

**Дмитрий
Бронников**

**Мы превращаемся
(Я видел в небе
- там кто-то ходит)**

Дмитрий Бронников

**Мы превращаемся (Я видел
в небе – там кто-то ходит)**

«ЛитРес: Самиздат»

2013

Бронников Д. Л.

Мы превращаемся (Я видел в небе – там кто-то ходит) /

Д. Л. Бронников — «ЛитРес: Самиздат», 2013

Мистическая драма. За влюбленной парочкой грабителей ведут слежку оперативники наружного наблюдения, неожиданно в их действие вмешивается что-то странное, даже потустороннее.

© Бронников Д. Л., 2013

© ЛитРес: Самиздат, 2013

Дмитрий Бронников

МЫ ПРЕВРАЩАЕМСЯ(Я видел в небе – там кто-то ходит)

Где-то за пределами реальности и понимания человека. Разговор... Впрочем, не стоит, перенесем начало в самый конец, так оно будет лучше и яснее... А начнем мы с вполне обыкновенных вещей, ну может и не совсем обыкновенных, впрочем, по порядку...

Часть I

Олег приоткрыл глаза, позевывая, ленивым взглядом обвел заснеженный двор. Взгляд уперся в черный гараж, одинокий и явно не к месту поставленный среди клумб и детских площадок. Он портил красоту зимнего пейзажа да и всего двора в целом. Уже третий день взгляд неизменно упирался в гараж и он откровенно уже начал раздражать. Можно представить как он действовал на нервы жителей трех домов, образовавших двор. Олег вздохнул, поерзал на сиденье, поудобней устраиваясь, и вновь прикрыл глаза. Когда долго ждешь, уткнувшись в одну точку, волей неволей начнет кидать в дрему. Рядом зашевелился Князь. Чиркнула зажигалка и по салону автомобиля разнесся едкий запах дыма сигареты.

– Окно открой, – пробурчал шофер,

Послышался звук опускающегося стекла. В салон ворвался бодрящий морозный воздух.

Олег поежился. Он был с похмелья, его то морозило, то кидало в пот, но ничего не сказал.

– Сколько прошло? – спросил Князь у старшего смены Лешки Стаськова.

– Полчаса, – ответ не заставил себя ждать, Лешка никогда не уходил в прострацию и не дремал, как бы ситуация этому не способствовала. Давил груз ответственности как за всю смену, так и за благополучное завершение задания. А смена была еще та, впрочем, как и задание.

Когда тремя днями ранее замначальника службы наружного наблюдения Семен Иванович Тихий изливался красноречием перед сменой, давая установку на задание, никто и предположить не мог, каким оно будет на самом деле. Установка как установка, ничего особенного. Пара молодых придурков, новоявленные Бонни и Клайд, подозревались в ограблении магазинов. Прямых улик и доказательств не было, поэтому их дальнейшее задержание с предъявлением обвинения всецело зависело от того, что наработает наружка. Опера пошли ленивые, бегать не любят, чуть что сразу к наружке. А она одна, отделов же много. Так что опера чуть ли не дерутся из-за топтунов. Каждый норовит представить перед начальством свое дело сверхсложным и сверхважным. Накручивает вокруг него черт знает что, чуть ли не терроризм. На проверку оказывается, что дело и разработка, как и сами подозреваемые, яйца выеденного не стоят. Впрочем, пустое, работники наружки тоже не трудоголики. Чем проще задание, тем и жизнь радостнее и счастливее. А там уж пусть с операми их начальство разбирается. У топтунов оно свое и свои показатели, которые от сложности никак не зависят, что рецидивист, что первачек – "палки" одни и те же. Но рецидивист – матерый волк, спустя рукава за ним не поработаешь, упустить, засветиться как дважды два. Кому лишнее взыскание нужно. Поэтому чем проще, тем лучше. Вот и это задание по первости показалось довольно простым. Оба подозреваемых ранее даже дорогу в неположенном месте не перебегали. Насмотрелись, видимо, американских фильмов, гламурные типы из телевизора добавили решимости – а как же, время такое, деньги решают все – вязаные шапочки на голову и вперед. Только забыли, что фильм это только фильм, а гламурные типы с костюмчиками для пикенесов от кутюр – отрывка нефтяной трубы, давно потерявшие связь с реальностью, с единственной жизненной целью, выделяться в среде таких же. Пройдет время, стыдно назад обернуться будет, кичится богатством в сформировавшемся обществе – извините за слово, западло. Все проходит, век гламура в том

числе, только вот какой отпечаток он оставит. Девяностые вон какой оставили: кого уж нет, а кто сидит поныне. Бандитская эпоха прошла, но материальные ценности как смысл жизни, в той же жизни человека и страны в целом – приобрели невиданные размеры. Ценность человека измеряется исключительно в денежных единицах. А карьеру удастся сделать не всем, особенно в провинции, жить охота не хуже, возможностей нет, желание растет, подогреваемое гламурными типами, а тут тыкайся не тыкайся, кругом стены – как тут крышу не сорвет. Кто в Москву в проститутки, с надеждой накопить на учебу и в предвкушении будущей сладкой жизни, а кто – чупу в рот и вперед, точнее "пушку" в руки и в ювелирный. И как будто так и должно быть, никто не удивляется. Как в Карфагене, где девушки перед тем как выйти замуж года два работали на панели, обслуживая древних воинов, на приданое зарабатывая. Не зря их римляне варварами считали. Мы тоже вроде как... Дико. Очередное потерянное поколение? В России они через одно. Будем надеяться, что нет. Впрочем, вернемся к нашим баранам...

То что они бараны, сомнений не возникало сразу. Судя по установке, жили не хуже других. Правда в последнее время сложности начались. А у кого их нет. Бонни, то есть Мария Радькина двадцати трех лет, недавно из-за сокращения штатов потеряла хорошую работу в некой фирме, которую они судя по всему позже с успехом ограбили. Кстати, именно по этой причине на них и вышли. Говорят же люди, не гадь там, где ешь. А у Клайда, Евгения Стаева двадцати пяти лет, неполадки с мозгами, судя по всему, начались еще год назад. Сам бросил перспективную, но видимо малооплачиваемую работу, и стал наниматься на временные, но прибыльные. То ли все-таки прибыль оказалась мала, то ли еще по какой причине, но к делу первичного накопления капитала они решили подойти с иной стороны, ковбойской, грабить поезда, точнее магазины. Короче помимо фирмы на них еще три эпизода. Сработано по дилетански, но тем не менее грамотно, видно много фильмов посмотрели, на них то вышли, а серьезно предъявить нечего. Пока даже не допрашивали, дабы не вспугнуть, всяк может организовать на пустом месте. С наружкой проще и надежнее. С информацией и на понт можно взять. Деньгами начнут сорить, готовиться к новому ограблению – на этом и засветятся. Чего вот им не хватало? Временные трудности они на то и временные, чтобы рано или поздно закончиться. В общем, типичные провинциальные овцы нового столетия, без знатных родителей и особых связей, но с огромным желанием обзавестись костюмчиком от кутюр для пекинеса, не прилагая для этого особых усилий. Соответственно, и задание не выглядело особо сложным. Беспредельщиками они не были, почем зря из пушек не палили. Санитарам леса из нуружки овечье пастбище самый лакомый кусочек. Так казалось в начале.

С первой неожиданностью топтуны столкнулись почти сразу, в первый же день. Как оказалось, в отношениях между молодыми людьми процветает сплошной ля мур, да еще какой ля мур, прям-таки бразильскосериальный. Такой же до идиотизма наивно-романтический. Филеры разве что вздохов под луной не наблюдали, да и то только потому, что ночью не работали. Прилюдные поцелуйчики, нежности, они даже в соседний ларек за сигаретами в обнимку ходили. Князь однажды с ними в автобусе проехался, так утверждал, что чуть дар речи не потерял – всю дорогу ворковали, весь мир по барабану, будто пришельцы. Он якобы такой влюбленной чуши в жизни не слышал, даже общий смысл услышанного своими словами передать не смог. Последующие дни слежки только подтвердили первое впечатление. Топтуны были не то что бы сильно удивлены, но некий хаос в головах возник. Шекспировские времена давно прошли, а тут... Да и как-то не вязался образ безбашенных грабителей с увиденным. Даже сомнения закрались. Душки да и только. Сами топтуны были современными молодыми людьми, профессия розовых тонов не добавляла, так что ля мур подопечных помимо хауса вызвал у них подозрения. В первую очередь – в умопомешательстве. Но немного поразмыслив, решили – сие есть маскировка, сумашедшие вряд ли бы добрались до четвертого эпизода. Но маскироваться подобным образом, да и перед кем? Нет, в конце концов и этот вариант отпал. Окончательный

вывод подсказали две истории, все тех же Бонни и Клайда и фильма "Прирожденные убийцы". Криминальная парочка либо копирует поведение героев один в один, либо это типичные отношения в подобных парах, своеобразная патология, и не топунам в ней разбираться.

Как оказалось, это были еще цветочки. Необычно, конечно, немного диковато, но в рамках возможного. Вот далее начались ягодки. Кому скажи, не поверит. Да и сами топуны поначалу считали все случайностью. Ну подумаешь, машина пару раз не с того не с сего, преследуя объект, в сугроб врезалась, дорога скользкая, с кем не бывает. Подумаешь, объекты из под самого носа исчезали, когда грузчик (профессиональное название топунов), опять же не с того не с сего, будто впадая в транс, засматривался абсолютно в другую сторону на ничем не примечательный рекламный баннер. Подумаешь, все разом засыпали, когда не следовало, убаюканные уютным теплом машины, и запинаясь на ровном месте в самый ответственный момент. С кем не бывает. Но когда стали отключаться радиостанции и сотовые телефоны при появлении подопечных, как и вся электронника в целом, тут впору было призадуматься по-настоящему. И грузчики призадумались. Выводы, которые они сделали, были неутешительными – в дело вмешались необъяснимые сверхъестественные силы. Они, как уже говорилось, были современными молодыми людьми, в мистику хоть и верили, но исключительно с научной точки зрения. То есть, любая необычная вещь имела свое объяснение, пусть даже и такое же необычное. А тут ни в какие рамки, объяснения хоть и находились, но цепь случайностей уж больно затянулась. Или их кто-то сглазил, что уже само по себе необычно, или у их подопечных весьма зловредные ангелы хранители. В общем, скажем так, работать стало совершенно невозможно. Утеря следовала за утерей. Начальство было вне себя, никаких отговорок не принимало и тем более не верило в мистику, списывая все на разгильдяйство подопечных. Попаховало взысканиями. Благо за время слежки и утерь по данным заказчика новых эпизодов у криминальной парочки не было. Но грузчикам от этого было не легче, сегодня нет, завтра на тебе подарок под новый год, с соответствующими последствиями. Так что выезжая на сегодняшнюю смену, топуны пребывали не в лучшем настроении. В том что цепь необъяснимых случайностей продолжится и сегодня, не возникало и доли сомнения. Как известно, против лома нет приема, если нет другого лома. У грузчиков его не было. Готовиться стоило к худшему. Задание автоматически из разряда так себе перешло в разряд чрезвычайно сложных. Что естественно оптимизма не добавляло. Но делать нечего, работать надо было, несмотря ни на что, и они работали, слабо веря в благоприятный конечный результат.

Так как на рации да и всю технику надежды было никакой, смена уже второй день применяла беспроектную тактику. Наблюдение за подъездом объекта велось с двух мест. Непосредственно из машины, припаркованной в дальнем углу двора подальше от подъезда, и с ног. То есть, грузчики попеременно бесцельно слонялись по двору, прикидываясь то местными жителями, то гостями, кого-то ожидающими. На данный момент эту роль исполнял пятый член смены, младший лейтенант Ваня Стрижин. Гулять оставалось меньше получаса.

– Техники сказали, что мы, если конечно не врем насчет раций, постоянно попадаем в какие-то зоны, где ни рации, ни сотовые не работают. Такое бывает, особенно в отношении сотовых, – нарушил возникшую в машине тишину Лешка Стаськов.

– А фотоаппараты с видеокамерами? – возразил Князь. – Это у них в башке зоны. Объекта нет, все работает, появляется, так весь город зона. Эти конторские на нашем месте бы побывали, по другому заговорили.

– А ты бы поверил? Тоже попытался бы найти логичное объяснение, – сказал Олег. – Из окон конторы все видится иначе.

– Во..во, и я про то же, – усмехнулся Князь, – только нам от этого не легче. Ты как думаешь, долго еще это продлится?

Вопрос был обращен старшему смены, только он мог быть в курсе когда закончится работа по данному объекту, но ответил Олег:

– Это не закончится никогда, по крайней мере благополучно. Нам бы без потерь вылезти, взысканий и выговоров. А... – он махнул обреченно рукой. – Чет мне кажется, что наши ягодки еще не самые крупные, скоро арбузы пойдут, вот тогда по-настоящему взвоем.

– Да надоел уже, третий день ему все кажется, может ты и накликал, – в раздражении сказал Лешка. – Ты, блин, работай, следи, что будет, то будет, по башке все равно мне получать. Может и правда зона. Ну, блин, не бывает же так.

– Ага, зона, а мы сталкеры, – Олег усмехнулся.

– Сглазил кто-то, точно сглазил, – сказал Князь.

– И рации тоже?..

– Да заткнитесь вы, – шофер приподнял голову с руля, полусонным взглядом оглядел товарищей и заключил: – а то в психушку на обследование отправят. Раз начальство сказала, что мы разгильдяи и зона, значит так оно и есть. А то что мы наблюдаем, нам только кажется.

Стаськов посмотрел на часы и сказал:

– Олег, иди меняй Ваню. Он там поди уже замерз.

Олег вылез из машины и нехотя поплелся в сторону предполагаемого места пребывания Вани.

Как уже упоминалось, смена была еще та. В том смысле, что люди, из которых она состояла, не числились у начальства среди "передовиков производства". Нет, показатели у смены были хорошие, что подтверждали поквартальные отчеты на общем собрании, но вот насчет дисциплины, залет за залётом. То пиво в рабочее время, то бабы какие-то в машине шалавной внешности, а то просто явно выраженная неадекватность в поведении. Был случай, следили за наркоторговцами. Работа велась совместно с заказчиками. Да вот беда, смена-то нормально отработала, отследила как надо, но заказчик по непонятным причинам не объявился. Самим задерживать было нельзя, наружка организация секретная, да и полномочий таких не имеет. Пришлось ограничиться тем, что на выезде из города прижали машину наркоторговцев к обочине и вломили им хорошенько, попутно проткнув им все колеса, естественно при этом даже не представившись. Наркоторговцев все же задержали, благодаря проткнутым колесам, а вот смена в полном составе по голове хорошо получила от начальства за неадекватность поступка. Мол своим поведением позорят честь органов. Старший строгий выговор получил. Хотя какой позор, ведь даже не представились, зато польза какая. Под пивком конечно были. Но с другой стороны, были бы трезвые, плюнули на все, нет заказчиков, полномочий никаких, а ехать за тридевять земель за объектом опять же начальство не позволит, отпустили бы их на все четыре стороны, пусть наркоконтроль расхлебывает. В общем смена была не на лучшем счету, можно сказать в черном списке на полное служебное несоответствие. И понятное дело, что задание, которое оказалось не таким простым, оптимизма и радости не прибавляло. Наоборот, все говорило о том, что ситуация со списком только ухудшится, еще один пунктик в служебное несоответствие.

Обо всём об этом и размышлял Олег Ильин, не хотя плетясь на смену Вани. Ему было двадцать пять лет и он уже два года как работал в наружке. Хотя работал это звучит громко, скорее так, отбывал номер. Толком не понимая, зачем, почему и что вообще здесь делает.

Как попал в контору Олег. Да очень просто. Пришло приглашение по почте в письменном виде. Он и поехал. Пришло бы из цирка, он поехал бы в цирк. Как контора вышла на него, остается загадкой до сих пор. А с учетом всех перепетий его двухлетнего пребывания в конторе – загадкой неразрешимой.

Олег не то что бы был пофигист по жизни, которому что контора, что цирк – одно и то же, просто он был слегка инфантилен. Человек, который не видит и не интересуется своим будущим, а в настоящем пребывает потому, что так надо, непонятная задумка природы, в которой ему, Олегу, не разобраться, а посему не стоит даже пытаться. Живет и ладно, в конце концов и у жизни есть свои преимущества. Понятное дело такая жизненная позиция перспектив

карьерного роста не предвещала, да он и не стремился. Ему было глубоко плевать на чины и звания, то ли по молодости лет, то ли по причине все того же инфантилизма. Хотя звание лейтенанта он все-таки имел и был этим вполне удовлетворен, в настоящий момент о большем не помышляя. В общем, работал бы он простым строителем или дрессировщиком тигров в цирке, равно как клоуном, ничего бы в сущности не изменилось. Главное удовлетворяла зарплата и приключенческий характер работы, что по молодости лет довольно важно. Его все устраивало и одновременно было все равно.

Несколько забавляла секретная составляющая конторы. В одном месте еще играло детство, и побыть хоть отчасти Штирлицем, виделось ему весьма веселым занятием. Особенно когда за это еще и деньги платят. Хотя как уже упоминалось, будучи дрессировщиком в цирке он чувствовал бы себя не менее удовлетворенным.

Что касалось жизни вне работы, то тут инфантилизм ощущался вдвойне. Каких-то особых жизненных интересов у него просто не было. Ни хобби, ни увлечений, ноутбук в свободное время и диванная поза с бессмысленно-пронзительным разглядыванием потолка. Но он от этого не страдала и несчастным себя не чувствовал. Конечно, некая внутренняя пустота присутствовала, правда далекая от мыслей о бессмысленном существовании, глубоких внутренних самокопаний и раздумий о суициде. К тому же он современем нашел неплохое средство борьбы с пустотой. Заклучалась оно в том или ином количестве выпитых спиртосодержащих напитков в веселой или не очень компании, а порой и в одиночку. Особого счастья пьянство не приносило, но и проблем пока не создавало. То что он прямой дорогой движется к алкоголизму, Олег то ли не понимал, то ли просто не хотел знать. Особых проблем, как уже говорилось, не возникало, а значит и думать об этом нечего.

Возможно Олег не так бы и сильно увлекался спиртными напитками, если бы три месяца назад в его личной жизни не произошел несколько неудачный поворот. Сказать проще, он расстался с девушкой. Как он считал, поступили с ним достаточно жестоко. И по прошествии трех месяцев он все еще переживал расставание, хоть и старался не подавать виду. Видимо в следствии этого волна пустоты и накрыла его с какой-то новой изощренной силой. Пить стал чаще, появились грустные мысли и возможно то самое самокопание, которое до этого благополучно обходило его стороной. Конечно, произошедшим он сломлен не был, но изгиб уже пошел. В связи со всем этим будущее Олега было весьма туманным. Чтобы что-то сдвинулось с места, требовались перемены как в нем самом, так и в окружающей действительности. И Олег даже не подозревал, слушая три дня назад установку на задание, что для него настал тот самый момент истины...

Мария отошла от окна, села в кресло и посмотрела на Евгения. Он складывал черные вязанные шапочки с прорезями для глаз в целофановый пакет.

" Как грабители банков из фильмов, – подумала девушка. – Как пошло. Неужели это они?! Может ей это только снится. Весь последний год был сплошным сном..."

Накануне Мария долго ждала Женю. Он с утра куда-то ушел, ничего не сказав. Хотя она понимала, куда и зачем. Подыскивать очередной магазин. Долгое отсутствие любимого она всегда переживала тяжело. Одиночество ей казалось ужасным. Трудно представить, что бы она делала, если бы какие-нибудь силы отняли у нее Женю. Ей даже не хотелось думать об этом. Скорее всего тогда наступит пустота, то есть смерть. Да, она умрет, если останется одна. По-другому просто не может быть, в этом девушка была совершенно уверена.

Говорят, мы любим не человека, а образ, самими нами созданный, наделяя его чертами, которые бы хотели в нем видеть. Образ как туман, как дымка постепенно рассеивается, благодаря жизненным ветрам, и наступает просветление, наполненное невероятным изумлением – как же вообще возможно любить такое чудовище?! Или по крайней мере возникает вопрос – как же меня так угораздило? Что это, природное явление или просто сдвиг в нашем сознании?

Ранние научные исследования утверждали, что любовь примитивна и относится к природным явлениям, а точнее животному инстинкту. Чуть позже ученые установили, что любовь некий химический процесс в нашем мозгу. По последним же исследованиям выяснено, что любовь скорее всего сдвиг в нашем сознании, но из-за массовости заболевших вряд ли поддается лечению. Тем более что и сами психиатры подвержены этому недугу. Но что же любовь есть на самом деле, вряд ли кто знает.

Выстраиваемый беспокойными мыслями образ, переливаясь яркими сказочными красками, постепенно тускнеет. По данным статистики, полное исчезновение образа приходится на третий год после его возникновения. Кто рассчитал – неизвестно, возможно те же ученые, ну как бы там ни было, данные статистики подтверждаются на практике. И возникает вопрос, неужели любовь всего лишь кратковременное умопомешательство? Не хочется в это верить. И мы, не смотря ни на каких ученых, ни на какой опыт, продолжаем верить в вечную любовь. Мы всего лишь люди, мы верим в сказки, особенно такие, которые вопреки всей науке утверждают, что мы не животные, а нечто большее, наделенное счастьем любить бесконечно.

Мария никогда не задумывалась так глубоко о любви. Но при этом любила уже пять лет, почти в два раза превысив среднестатистические данные. И любила она не образ, а именно человека, опять-таки опровергая общепринятую точку зрения. Любила всей душой, всюю своей сущностью, не понимая как можно жить без того человека, который ей не просто близок, а является частью ее самой, неотделимой частью. И если эту неотделимую часть отделить, то наступит смерть, она умрет, ведь половина человека жить не может, физически не может. Мария слилась с Евгением и растворилась в потоке лучезарного сияния, исходящего от великого чувства, одаривающего их обоих который уже год неземным блаженством и счастьем. Они любили и были за это благодарны миру, ничего другого, другого счастья им и не надо было. Любовь в их жизни занимала главенствующую роль, даже можно сказать, не в их жизни, а в их любви главную роль занимала любовь. Это звучит странно, но тем не менее является фактом.

Они познакомились пять лет назад на одной из вечеринок и сразу почувствовали друг к другу непреодолимое влечение, больше они не расставались. Они упивались близостью, восторгались свалившимся на них чудом и даже не хотели знать, что, как уже было сказано, взаимная любовь длится не более трех лет, а далее если людей что-то связывает, она переходит в привычку. Зачем им это? Зачем им вечные разговоры друзей и подруг об изменах, о неких встрясках любви в виде адюльтера. Их просто нет и не должно быть в этом потоке сияющего счастья. Жизнь для того и дана, чтобы любить и быть любимыми. Все остальное вся эта мишура, все глюки о борьбе за достойное существование – ложь, придуманная не умеющими любить людьми ради придания своей жизни хоть какой-то осмысленности. И Мария знала, знала всегда, там где нет любви, там действительна только смерть. Следовательно жизнь и любовь имеют одно значение и смысл. Жизнь – это любовь. Жить – значит любить. И других значений просто не бывает. И они жили, действительно жили, потому что любили. Казалось, никогда не закончится сияние, поток лучезарной всемогущей энергии, движущейся человека к великому... никогда...

Но жизнь часто распоряжается по-своему, вносит свои коррективы в казалось бы неизбежные вещи. Человек полагает, а Бог располагает.

Это случилось год назад. Вечер, замершая набережная, двое влюбленных, держащихся нежно за руки. Неожиданно появившиеся машины, шумные веселые люди, ящики с шампанским, яркие фейерверки. Люди веселились чисто по-русски, широко, с размахом. Влюбленные как-то незаметно были вовлечены во всеобщее веселье. Знакомство с хозяином торжества, молодым улыбчивым парнем по имени Саша, справлялось его день рождения. Они выпили шампанское за его здоровье. Из разговора выяснилось, что Саша был далеко не бедным человеком, владельцем фирмы, завязаной то ли на металле, то ли на нефти. Саша стал уделять некоторое внимание Марии как женщине. Евгений не был ревнивым человеком, но Маша заметила,

что это ему не понравилось. Еще тогда бы уйти... Позже Мария призналась себе самой, что на самом деле заставило ее остаться. Она хотела, чтобы Женя ее чуть-чуть приревновал. Она всего лишь женщина, которая хочет, чтобы ее любили. Если бы тогда она могла знать... Они остались.

На каком-то этапе гуляния к ним в очередной раз подошел Александр с шампанским. Между делом он поинтересовался, женаты ли они. Влюбленный не состояли в официальном браке. Но мысли о законном сочетании уз посещали их голову. Просто великой необходимости они в этом не видели, главное у них есть любовь и они сами друг у друга, но естественно рано или поздно они сочетаются законным браком. Тут Саша и произнес ту самую фразу, породившую навязчивую идею у Евгения.

Саша поделился мыслью, что в день своей будущей свадьбы любимой девушке он подарит сказку. Свадьба его пройдет на одном из тропических островов среди туземцев и пальм. Это будет невероятное торжество, он докажет любимой женщине, как он ее любит и что он настоящий мужчина. Деньги для него не проблема, он подарит будущей жене сказку (тут надо заметить, что действие происходит в одном из провинциальных городов, где завязка на металле и нефти совсем не обозначает принадлежность к олигархам, а тропический остров, если не считать курортов Кипра и Тайланда, видится местным жителям только в мечтах, возможно Саша и прихвастнул, но суть нашего повествования от этого не поменяется).

С этого все и началось. Евгений стал меняться на глазах. Нет, он не охладел к Марии, скорее даже наоборот, еще больше сблизился с ней. Именно тогда их нежности стали перерехлестывать через край. Марии даже нравилось это, хотя и выглядело немного сумасшедше-наивно-романтическим. И всё бы ничего, но вот в остальном... Дальнейшее Марии казалось сном, абсолютно непонятным нереальным сном.

Евгений начал усиленно копить деньги. Он уволился с довольно перспективной работы, но пока малооплачиваемой, и стал наниматься на временные, но приносящие хороший заработок. Как правило физической. Сперва девушка не могла понять зачем, ведь они не бедствовали, жили не плохо, но вскоре узнала, что во всем виноват тот случай на набережной. У ее друга появилась навязчивая идея устроить свадьбу на тропическом острове, на настоящем тропическом острове, в окружении полуголых туземцев. Она пыталась как-то повлиять на любимого, отговорить от задуманного, объяснить, что ее и так все устраивает, они любят друг друга, а это главное. И не нужен ей никакой остров, она будет счастлива справить свадьбу здесь дома, а если ему уж так охота на юга, то в свадебное путешествие можно съездить на какой-нибудь курорт. Но Евгений был непреклонен, он во что бы то ни стало хотел подарить любимой сказку. Современем девушка стала догадываться, что не пышность, не оригинальность и уж тем более не море засели в голове у него. Но вот что, как ни силилась, Мария не могла понять. Появилось нехорошее предчувствие.

Вскоре предчувствие стало сбываться. Евгений на одной из своих многочисленных работ сорвал спину. Он обратился к врачу, диагноз оказался неприятным, но не катастрофичным – Евгению следовало избегать тяжелой физической работы и принимать соответствующие лекарства. Но беда, как известно, не приходит одна. Ко всему еще с Марией произошла неприятность, ее сократили.

Неожиданно сильного до этого Евгения случившееся надломило. Вместо того, чтобы лечиться и искать более легкого способа заработка, он вообще перестал принимать лекарства и единственным его занятием стало бесцельное лежание на диване и просиживание часами за компьютером. Характер его изменился. Евгений то по несколько часов не произносил ни слова, то начинал болтать без умолку, при этом говоря абсолютно ни о чем. Он стал замкнутым, потерял ко всему интерес, из дома не выходил.

За два месяца такой жизни Евгений похудел, появились круги под глазами. Вид его казался больным. Мария не на шутку перепугалась. Она поняла, что все его мечты об острове

теперь живут только в его голове. Он живет в них, переживая и проходя через все радости внутренне, мысленно, он стал рабом своих фантазий. Девушка догадывалась, что это не просто обломовщина – это бессилие и страх перебороть себя. Страх отказаться от мечты, и тем показать свою несостоятельность перед Марией, страх быть неудачником в ее глазах. Он понял, что никогда не сможет подарить любимой сказку, и это его убивало. Девушка жалела его, но внушить мысль, что на самом деле не нужен ей никакой остров, так и не смогла ему.

Но жизнь не стоит на месте, все меняется. Однажды застав Машу в слезах и не добившись какого-либо объяснения, молодой человек неожиданно изменил свое поведение – он стал вести активный образ жизни, каждый день куда-то исчезая утром и возвращаясь только вечером. Мария думала, что он ищет работу, ведь зарабатывать можно не только руками, но и головой. Девушка поверила в возрождение друга, она радовалась происходящему. Но все оказалось не так просто.

Однажды Евгений пришел домой в приподнятом настроении. И с порога объявил Марии, что нашел выход из положения, теперь у них будут деньги, будет свадьба на острове, он подарит любимой сказку. Девушку немного обеспокоили слова об острове – опять в нем заговорила эта навязчивая идея... Но поразмыслив, она пришла к выводу, что все же это лучше, чем видеть как постепенно умирает человек в любимом, чем все эти лежки и полное отчуждение. Но то каким образом решил достигнуть желаемого Евгений, повергло ее в шок. Он решил грабить магазины. Он заявил, что все у него получится, все предусмотрено и продумано.

Несколько дней Маша провела как во сне. Она не могла представить любимого человека в роли грабителя, ей казалось ужасно то, до чего довела его сумашедшая мысль. Попытки отговорить ни к чему не приводили, а упрямство друга она знала. В конце концов девушка решилась. Она заявила Евгению, что согласна с его предложением, но у нее есть условие – грабить они будут вместе, а первым объектом нападения должна стать фирма, в которой она раньше работала, поскольку она там все знает. Других вариантов быть не может, и пусть он об этом даже не думает. Евгений согласился.

Цель оправдывает средства ее достижения – подобное утверждение ранее не посещало голову Евгения. Слышать, конечно, о нем он слышал, но никогда не пытался примерить к себе, надобности не было. Нет, он не был бесцельным человеком, просто его цели не требовали особых средств, над которыми стоило задуматься. Многие цели и средства достижения вытекали из самой сути жизни. Евгений был убежден, что если вести нормальный образ жизни, избегать излишеств, не лениться, быть уверенным в себе, то рано или поздно все придет. Но как это часто бывает в размеренное течение жизни вмешался случай. Теперь у него появилась цель – доказать своей любимой, что он не пустое место и ничем не хуже того Саши, хваставшегося, что может устроить свадьбу на острове. У него тоже хватит сил это сделать. А главное доказать, что богатство еще не все, отношение к человеку, любовь, вот то ради чего стоит жить, к чему стремиться. В нем прочно укрепились идея, что достав деньги на такую свадьбу, он докажет свою любовь, чем и будет отличаться от того Саши – имея деньги легко все купить, а ты попробуй с ноля, только ради любимой. И он во что бы то ни стало это сделает.

Мысль не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Способ накопления оказался чересчур долгим, трудоемким и не безопасным для здоровья. Неудача чуть было не сломала его, цель же грозила воплотиться только в мечтах. И застав однажды Машу в слезах, он понял, что так дальше нельзя, надо быть более сильным, надо быть настоящим мужчиной. Ему стало стыдно за себя. Неужели он ни на что не способен?! Зачем тогда вообще жить?! Лежать на диване и предаваться мечтам, это участь интеллектуальных инвалидов, слабаков. А он не слабак, во всяком случае не хочет таковым быть. И он решил действовать.

Несколько дней он просто болтался по городу, в раздумьях, что предпринять. Тут и пришла в голову мысль – средства достижения цели могут быть разными и вполне оправдан-

ными. Пусть даже придется нарушить закон. Этичные стороны вопроса отошли на второй план – почему другим можно, а мне нельзя? Таков современный мир, успеха добиваются только сильные как духом, так и телом. Этика и мораль конечно важны, но дело в том, что он на глазах у любимой становится неудачником и слабаком. А он не хотел таковым быть. И Евгений решил, что ему тоже можно, главное не переступать некую черту, не делать тех вещей, в которых нет необходимости, и никого не убивать.

Возникал вопрос, должна ли знать Маша, каким образом он достал деньги. Между ними со дня знакомства постоянно соблюдался негласный договор – никаких тайн друг от друга. Какое-то время он думал. Он не мог и не хотел обманывать любимую. В конце концов Евгений решил обо всем рассказать. Ее реакция озадачила молодого человека. Машу впутывать в эти дела он не собирался. Но вскоре сдался, переубедить девушку было невозможно.

Ограбление офиса фирмы прошло как по маслу. Молодые люди даже удивилась тому, как легко им это удалось. Стаев купил у одного из друзей детства с богатым уголовным прошлым пистолет. Маше было известно место хранения денег, порядок их поступления и накопления, а также распорядок рабочего дня. Стаев пошел в офис один, Маша ждала неподалеку в их стареньком "форде". На этом настоял Евгений, подставлять девушку он не хотел, к тому же надо было обеспечить отход.

Странно, но совесть после совершенного преступления молчала и ее не пришлось глушить водкой или бесполезный тратой денег. Скорее наоборот, было приподнятое настроение и даже какая-то гордость от того, что они смогли сделать это. Чувство страха так же отсутствовало, но не по причине их бесстрашия, а просто потому, что пока не возникало поводов к его появлению.

Денег оказалось много, но недостаточно для осуществления мечты Стаева. Стоило закрепить успех. Криминальный способ добывания денег оправдался с первой же попытки. Магазины выбирали практически наобум. Условиями были – отдаленность, уединенность, количество посетителей и наличие охраны, точнее ее отсутствие. Им опять повезло, все прошло без сучка и задоринки. Действовали по прежней схеме, Маша ждала в машине, Стаев заходил в магазины один.

Стаев стал входить во вкус. Он решился еще на один рывок. Подыскал подходящий магазин. Он находился на другом берегу реки, разделявшей город на две половины, в новом микрорайоне, недавно отстроенном и удаленном от ближайшего отделения полиции на приличное расстояние. Патрульные машины посещали его редко, предпочитая ловить пьяниц и наркоманов в более людных местах. Магазин торговал бытовой техникой, каждая покупка – это немалые деньги. Охраны не было. Евгений был уверен в удачном исходе. В глубине души он знал, что-то им помогает, с ними высшие силы и, кто его знает, возможно и сам Бог. Откуда взялась эта уверенность? По молодости лет ли, по неопытности или наивности, но она была.

Единственное, что тревожило Евгения, так это Маша. Странно как-то получалось, ведь все эти ограбления были затеяны с одной целью – добыть денег для осуществления мечты. Мечты, в которой Маша играла главную роль. Ведь вся затея с островом имела лишь одну задачу – доказать свою любовь, сделать подругу счастливой. Но получалось, что он осчастливляет Машу с ее же помощью. Как-то не логично. Но беспокойство это обитало где-то в глубине сознания, а потому не сильно тревожило Стаева. Главное – он доказал, что не слабак, а значит достоин любви девушки. Да и грабит он по сути один.

У Марии в голове постоянно крутилась одна и та же мысль – надо любым способом заставить Евгения прекратить совершать преступления. Она чувствовала, что добром это не кончится. Возможно знак свыше – надо прекращать. Следовало проявить волю, поговорить и настоять на своем. Никакой остров ей не нужен. У нее есть любовь и этого вполне достаточно. А если он так хочет поехать за границу, то денег им хватит для поездки на тот же Кипр, чем не

остров. Зачем нарываться, ведь раз на раз не приходится, в полиции тоже не дураки работают, бесконечное везенье долго продолжаться не может, рано или поздно их поймают. А тогда что – тюрьма? Все, хватит, терпение лопнуло, если он ее любит, то поймет.

Между влюбленными состоялся серьезный разговор. Мария пыталась отговорить друга от продолжения дальнейшей карьеры грабителей. Евгений же настаивал на своем, доказывая, что денег на мечту об острове пока не хватает. Никто не хотел уступать. Но стычки между влюбленными были крайне редки и непродолжительны. Вот и на этот раз они довольно-таки быстро пришли к общему знаменателю, одновременно каждый отстояв свое мнение и уступив партнеру. Они решили закончить с преступной деятельностью, но прежде в последний раз совершить рывок, как бы поставить этим точку. Еще одним условием девушки было ее участие непосредственно в самом набеге. Его она поставила скорее из принципа, чем из желания испытать прилив адреналина в крови.

Евгений закончил укладывать шапочки, сунул пистолет за пояс, посмотрел на Машу и натянуто улыбнулся.

– Пора, – сказал он. – Все будет нормально, я уверен.

– Меня не это беспокоит, – сказала девушка.

– Мы же договорились, последнее значит последнее.

Ваню Олег обнаружил сразу как вывернул из-за гаража. Тот сидел на скамейке возле одного из подъездов в окружении бабушек. Олег улыбнулся, Ваня как всегда в своем репертуаре. Более нелепого грузчика в конторе не было. То справить малую нужду в подъезд объекта зайдет, то выберет более чем оригинальное место для слежки (однажды два часа валялся под кустом, изображая пьяного), то во время работы патрульные из РОВД его задержат, ему даже родители как в средней азии жену будущую прямо домой привезли, там он ее в первый раз и увидел. Но человеком Ваня был неплохим, наивным и безотказным, и несмотря на всю свою нелепость, в конторе пользовался уважением.

Олег притормозил. Подходить к бабушкам он не собирался, и так один "гадкий утенок" уже есть.

" Как же оригинально он среди них смотрится, – подумал Олег."

Даже издалека было заметно, что у четырех бабулек рот не закрывался ни на минуту, и Ваня явно не был обделен их вниманием. Нервы у него видимо были железные. Хотя сдругой стороны, и ему не скучно, и внимание объекта вряд ли привлечет скамейка со старушками, конспирация одно слово. Олег нажал на "передачу" на рации и сказал:

– Тридцать третий, иди в сторону гаража, я тебя здесь встречу.

– Понял, – ответ не заставил себя ждать.

Рации пока работали. Стоит отметить, что рации у наружки были профессиональными, скрытыми под одеждой, и имели одну особенность: чутко улавливали посланный голосовой сигнал даже под шубой, а в режиме приема сигнал слышал только тот, кому он предназначался. Бабушки даже не заметили, что состоялись переговоры.

Ваня поднялся со скамьи и пошел в сторону гаража. Олег в это время размышлял, куда бы ему примоститься, так чтобы и подъезд объекта был на виду и сам он в поле зрения объекта не попадал. Была пара скамеек, скрытых разросшимися кустами. Но целый час на холоде в одиночестве на скамейке не самый лучший вариант, он не Ваня и тем более не морозоустойчивые бабушки. Можно было зайти в подъезд соседнего дома и наблюдать из окна. Тут тоже присутствовал свой минус, Олег знал на собственном опыте, любопытство людей не имеет границ, замучают вопросами, кого ждешь, а то и патрульных вызовут. Олег подумал и решил совместить – полчаса на скамье, полчаса в подъезде, и замерзнуть не успеет и внимание местных жителей привлечь.

Подошел Ваня. Лицо у него было серьезным. Оно у него всегда было серьезным, даже в смешных и нелепых ситуациях.

Бабушки не задолбали? – поинтересовался Олег.

А что, – искренне не понимая, в чем подвох, подал голос Ваня. – Нормально так поговорили, все не скучно.

– Ты теперь поди все проблемы двора и всех хулиганов местных знаешь.

– Я же полицейским не представился. Нормально так, о футболе поговорили.

– Да ладно, с бабками о футболе?! – Олег еле сдержал смех.

– Что звал-то?

– Меняться пора, или желаешь продолжить с бабушками о футболе...

Ваня пожал плечами. Он всегда был со странностями, он в принципе мог и дальше с бабушками о футболе. В этот момент заговорила рация у Олега.

– Тридцать девятый, где там тридцать третий, что не идет? – слышался из динамика голос Стаськова.

– У него важная беседа с бабушками...о футболе...

– Что у вас там, какие бабушки, какой футбол...

– Да все, ладно, идет.

Олег посмотрел на подъезд объекта, потом на Ваню и сказал:

– Иди уже, начальство волнуется.

– А что за меня волноваться, – вновь пожал плечами Ваня.

– Оно не за тебя волнуется, оно за себя волнуется, вдруг чего в машине пропустили, а рации опять в отключке.

– Ладно, пошел.

Ваня было уже сделал шаг, но в этот момент по-пороссячий взвизгнула дверь подъезда. Сигнал был вполне узнаваем, так на весь двор скрипела только дверь подъезда объекта. Молодые люди разом обратили свой взор в нужную сторону. И, надо сказать к большому неудовольствию топтунов, на свежий воздух из бетонного чрева выплыла подопечная парочка.

– Вот, блин, невезуха, – с заметным раздражением в голосе, сказал Олег. – Хоть бы денек дома безвылазно посидели.

Олег нажал на "передачу":

– Пятьдесят первый, выход.

Он взглядом проводил парочку до красного "форда", припаркованного у подъезда. Ответа от старшего не было.

– Елки-палки, началось, опять рации в ауте, – выругался Олег. – Ваня, дуй в машину, меня по дороге подхватите, я пока посмотрю.

"Форд" выехал со двора. Возле Олега тормознула "десятка".

Олег запрыгнул в машину.

– Что опять зона? – сквозь зубы пробурчал он. – Хорошо еще машина не глохнет.

– Сплюнь, – так же не фонтанируя счастьем, сказал Лешка. – Ты пойдешь начальству объясни... Реально ерунда какая-то непонятная. За три года, что я работаю, первый раз со мной такое.

Машина вырулила на проспект. Впереди метрах в двухстах маячил "форд".

– Прижмись, не стоит их далеко отпускать, не известно, что дальше будет, – сказал Стаськов шоферу.

На ближайшем светофоре они приблизились к объекту насколько это было возможно, чтобы не засветиться, в промежутке оставив две машины.

– Без суеты, если в сугроб не занесет, не упустим.

Минут через десять стало ясно, подопечные держат путь на другой берег. Здесь был один нюанс, после моста шел довольно продолжительный участок дороги без светофоров в

лесном массиве. Все ничего, да вот только этот участок считался скоростным, а грузчики еще не забыли, как их в сугроб заносило. Благо, дороги чистят, по большей части сбрасывая снег на обочину, а так бы сугробом не отделались.

– Теперь внимательней, – предупредил шофера Стаськов, когда они проехали мост. – Не гони сильно, никуда они не денутся.

– Не учи, – огрызнулся шофер. – Дорога не скользкая, машину держит.

"Форд" стал набирать скорость. "Десятка" не отставала.

– У них два варианта, после бора им или вправо, или влево. Держись метрах в стах, увидим, куда свернут, – сказал Стаськов. – Емое, а это что?!...

Визг тормозов, крутой занос, сугроб. Собака даже не оглянулась.

Грузчики постепенно приходили в себя. Стаськов пытался открыть дверь. Князь со своей стороны открыл и вылез из машины.

– Я не смертник, – сказал он, держась за глаз, последствия удара о подголовник. – Шутки кончились, это же скоростной участок, был бы столб – всмятку. Как живы остались, хорошо еще зима. Блин, тварь божья! – Князь погрозил кулаком в сторону уже скрывшейся из поля зрения псины.

– Все, работа кончилась, опять утеря, – Олег даже не пытался вылезти из машины, он достал сигарету чуть трясущимися руками и закурил. – Все похмелье из башки вышибло.

– Пошли толкать, – то ли предложил, то ли приказал Стаськов.

Выбрались из сугроба грузчики лишь через двадцать минут. Догонять и разыскивать объект уже не имело никакого смысла.

"Форд" был оставлен в соседнем дворе. Евгений и Мария подошли к магазину. На входе надели вязанные шапочки на голову. Стаев достал пистолет.

– Всем на пол, это ограбление! – заорал Стаев, ворвавшись в магазин.

Трое покупателей вмиг сориентировались и рухнули лицом в бетонный пол. Наше телевидение работало четко, не хуже гражданской обороны в советское время. Никаких учений не надо, каждый гражданин России владел информацией в полном объеме. Дураков нет, время такое, девяностые еще не забыты. Коль увидел упыря в шапке с прорезями для глаз, вались на пол, без разницы будь то полиция или бандиты. Двое продавцов тоже попытались принять лежачее положение, но были остановлены Стаевым, точнее один из них, женщина.

– Куда?! Деньги доставай, – приказал он.

Кинул продавщице целофановый пакет. Женщина стала складывать в него деньги. Мария все это время находилась у дверей, она была в полной растерянности, не ожидая от друга такого напора и решимости. Неужели это ее Женя?!

Денег было неожиданно много. Обычно в кассе хранилось не более десяти-двадцати тысяч, остальное снимали и убирали в надежное место. Ранее Стаеву приходилось настоятельно просить продавца заглянуть в такое надежное место. На сей раз такая процедура не потребовалась, что заметно сократило время нападения. Евгений уже мысленно был вне магазина. Он взял из рук продавца пакет, сделал шаг к двери. В этот момент она открылась и в магазин ввалилась грузная женщина, грубо оттолкнув от входа Марию. Стаев отреагировал и перевел пистолет на женщину:

– Коза, куда прешь. На пол живо.

Мария отошла чуть в сторону. Женщина перла как танк, не обращая внимания на слова грабителя. В этот момент случилась еще одна неожиданность. Из подсобки вышел охранник, о наличии которого Стаев даже не подозревал.

Охранник миглом оценил обстановку и с дубинкой бросился на грабителя. Мария вскрикнула. Охранник огрел Стаева дубинкой по спине и вцепился в пакет. Евгений растерялся, нервы были на пределе. Он понял, что надо уходить, контроль над ситуацией ему не вернуть.

Сам не понимая почему, он выстрелил в сторону грузной женщины. Та от страха потеряла сознание и рухнула с грохотом на пол. Охранник вырвал пакет с деньгами, но получил от Стасева пистолетом по лицу, на какое-то время выпав из событий. Этим воспользовался налетчик, схватил девушку за руку и выволок из магазина. Пакет с деньгами остался у охранника.

Неторопливо падал пушистый снег, буквально за час заметно потеплело. Смена в полном составе сидела в салоне "десятки". Грузчики нехотя изредка переговаривались, тупо возмущались на подъезд. Перед филерами стоял мучительный вопрос – докладывать о потере объекта или нет? Уж больно много за три дня было утерь, топтуны откровенно боялись даже заикнуться о новой. В принципе, если за это время подопечные ничего не натворили, то можно рискнуть и не докладывать – кому лишний раз по голове охота получать. Ну а если не доложишь, а они ограбили очередной магазин, тут уже пахло не просто разносом, а увольнением.

– Леха, – обратился к старшему Князь, – в конце концов, мы не виноваты.

– А кто, собака?.. Вот только про нее, блин, начальству не надо заикаться, да и вообще про сугроб. Третий уже, а мы при этом целехенькие, хоть бы царапина.

Князь потер глаз, как бы намекая, что он все-таки пострадал.

– Нет три, не поможет, мыль веревку лучше. Как-то удачно мы врезаемся, вы не считаете. Будто только для того, чтобы объект упустить, потому и без последствий, – сказал Олег.

– Ой только вот этого здесь не надо, и здесь, и у начальства в кабинете, – ответил Стаськов. – В общем, если что, то в пробке упустили.

– А рации? – спросил Князь, – они опять в ауте были.

– Про них тоже лучше молчать, тем более что причина утери не они. Все равно никто не поверит, только нагоним лишний гнев на свои головы. В общем, пробка, и баста.

– Ой, на фиг, как мне все это надоело, – взвыл Князь. – Быстрее бы сняли с этого задания, пока вообще с работы не сняли.

Олег угрюмо усмехнулся и внимательно посмотрел сквозь густую пелену снега в сторону подъезда. Его товарищи, на время отвлекшиеся, обратили свои взоры туда же. И как раз вовремя.

– Тихо, они, – прошептал Стаськов.

Но выскакивать из машины, радостно приветствуя потерявшихся, и так никто не собирався. Парочка шла быстро, часто нервно оглядываясь по сторонам.

– Какие-то они не такие, – вслух заметил Ваня.

На что его товарищи ответили дружным молчанием. Появилось нехорошее предчувствие, атмосфера вокруг грузчиков заметно потяжелела.

– Что-то явно произошло, – нарушил тягостную тишину Стаськов. – Возможно, как раз то, что мы не должны были пропустить.

– Может у них просто неприятности, – попытался смягчить ситуацию Иван.

Но это ему не удалось. Раздался щелчок и из динамика послышался хриловатый раздраженный голос Тихого:

– Где объект, почему не докладываете?

Филеры-неудачники переглянулись, что-то им подсказывало, врать не надо, разнос это еще не смерть.

– Мы их на время потеряли, но сейчас они вернулись домой, – неуверенным голосом ответил Стаськов.

– Быстро в контору, – отрезал, все более возбуждаясь, голос из динамика.

Филеры поняли, что-то действительно произошло, и, видимо, очень серьезное.

Смена в полном составе сидела в дежурке и ждала вызова "на ковер". Настроение у грузчиков было подавленным, ничего хорошего они не ждали. Если снимают смену посреди рабочего дня, значит есть веские на то причины.

Внутриведомственное название службы наружного наблюдения было разведка. Соответственно, как любая разведка, служба являлась секретной. В народе о ней мало кто что знал. Опера заказчики называли ее наружкой. Хотя это было неправильно, потому как помимо непосредственно самого наружного наблюдения служба применяла и другие, но также негласные способы оперативных мероприятий. Если точнее, то весь комплекс мер применяемых более известной ФСБ, за исключением задержания и проведения следствия. Еще в отличие от ФСБ, которая была вполне самостоятельной структурой, наружка являлась лишь вспомогательной службой для других официальных отделов МВД. Поступал заказ на отработку кого-либо, то есть сбор информации о нем, наружка выполняла, а что там будет дальше, мало волновало. Сбор информации шел исключительно по линии МВД, то есть по уголовным делам, ни во что другое наружка не влазила. Что касается секретности, то понятное дело ни один из сотрудников не имел права разглашать, где он работает. А так хотелось, знакомясь с девушкой, гордо объявить – я работаю в разведке. Но... в лучшем случае, в кармане лежало удостоверение сотрудника какого-нибудь задрюпанного узла связи, что сильно обламывало молодых топтунов. Возможно, именно по-этому многие из сотрудников, отработав с пяток лет, переводились в официальные службы. Быть засекреченным, крутым парнем, но не иметь в связи с этим никаких привилегий – казус еще тот. А если серьезно, то в конторе были ограничены перспективы служебного роста. Само здание, контора, где располагалась служба, было на окраине города, в промышленном районе, ничем не выделялось, имело постороннюю вывеску того же узла связи, ничто не указывало о его принадлежности к МВД. Впрочем, хватит распространяться, поскольку это чревато.

Ожидание становилось тягостным. Тут еще не к месту в дежурку заявился старший оперуполномоченный капитан Фарид Галеев. В конторе он не пользовался популярностью, хотя работать с ним приходилось часто, именно он имел дело с заказчиками и поставлял новые задания для топтунов. Не любили Фариду по многим причинам. Тут и дикий фанатизм вперемишку с карьеризмом, постоянное противопоставление себя другим сотрудникам, некоторая начальственная глупость и твердолобость, и ничего не смыслие в наружном наблюдении. Да этого он работал в уголовном розыске, занимался карманными кражами, соответственно имел множество знакомств в официальных структурах, отсюда его сношения с заказчиками. Фарид просто обожал в трудные для топтунов моменты повыносить им мозг. Что понятное дело только усиливало нелюбовь к нему.

– Что, обделались? – еще с порога с издевкой сказал он, – вас учишь, учишь, а толку...

– Ты-то помолчи, лучше скажи, что произошло? – жестко перебил его Стаськов.

– Субординацию соблюдай и не перебивай, – в свою очередь проявил гонор Фарид, – Тихий все объяснит.

Тихий толком ничего не объяснил, поскольку, видимо, сам мало что знал. По его лицу было заметно, что он весьма недоволен, но в тоже время угадывалось, что недовольство его было скорее для профилактики, для острастки. Правда грузчикам от этого было нелегче.

– Опять утеря?! Я даже не хочу знать причин. Чуши я уже наслушался, – сказал он, даже не взглянув на грузчиков, бесцельно перебирая бумажки на столе.

– В пробку попали, – попытался все же оправдаться Стаськов.

– Я же ясно сказал, не надо... В общем, я сейчас еду к заказчику, узнаю подробности. На сегодня всё. Все что могли вы уже сделали...

– А что все-таки случилось? – робко попытался прояснить ситуацию Стаськов.

– Хм... Это я у вас должен спрашивать, вы за ними наблюдали, – Тихий недовольно pokrutil головой и впервые посмотрел на топтунов. – Ладно. Похоже наша парочка совершила

еще один рывок, со стрельбой на этот раз. Подробности я не знаю, так что до завтра. И молитесь Богу, чтобы это были не они, а стрельба обошлась без жертв.

Олег ехал домой. Настроение было поганым. Вновь появились признаки похмелья. Стоило поправить здоровье. Он решил сойти раньше нужной остановки и заглянуть в бар, облюбованный им месяца три назад, в момент расставания с Катей. Он любил проводить в нем вечера, поначалу снимая стресс, вызванный разлукой, пытаюсь заглушить боль и анализируя причины, приведшие к печальному итогу любви, а в последнее время просто по привычке. Бар был тихим, немногочисленным местом, чем и притягивал к себе Олега. С точки зрения коммерции, его месторасположение было крайне неудачным, не в центре и глубоко во дворах. Знали о нем немногие, клиентура была постоянной, в основном из близлежащих домов. Побывать в одиночестве наедине со своими мыслями, подумать о жизни, попытаться заглушить депрессию – в этом смысле он подходил как ничто другое. Может у Олега и не было депрессии, но навалившаяся в последнее время пустота сделала бар любимым местом времяпрепровождения молодого человека.

Следуя к бару по глухим дворам меж стандартных хрущевок, Олег неожиданно для себя отметил, что заведение находилось совсем рядом с домом нынешних подопечных, метров пятьсот. Раньше он на это не обращал внимания. Теперь сообразив, даже удивился своему "открытию". Бывает же. Он злорадно усмехнулся, главным образом над самим собой. Бар и тот выбрал в предполагаемой аномальной зоне. Может, он сам аномалия, в которой исчезает все, в том числе и любовь.

С Катериной Олег познакомился около двух лет назад в ночном клубе. Тогда он еще посещал подобные заведения. Любовь нахлынула как-то сразу, почти с первого момента их встречи. Он с радостью погрузился в пучину романтических отношений. У него будто выросли крылья, казалось, он испытывает сказочный невероятный полет. То были розовые дни. Олег наслаждался любовью и жизнью, возможно, впервые прикоснувшись к осознанию глубокого смысла своего существования. Он был счастлив. Он готов был перевернуть для любимой весь мир. Отдать себя целиком в жертву любви. Никогда в своей жизни Олег не испытывал ничего подобного. Он понял, что такое есть земной рай. Катя отвечала ему тем же. Она тоже пребывала во власти любви. Казалось, ничто и никогда не сможет вмешаться и разрушить их отношения. Так длилось полтора года.

Нельзя сказать, что охлаждения отношений возникли ниоткуда, в один миг накрыв влюбленных отчужденностью. Все происходило постепенно. Были намеки знакомых и друзей в отношении поведения Кати в компании других мужчин. Впрочем, Олег не обращал на них внимания, он верил любимой, да и сама мысль об измене не вязалась с образом возлюбленной. Опять образ. Далее события развивались в более видимом свете. Они стали отдаляться друг от друга. Все меньше находили взаимопонимание, все сильнее раздражение вклинивалось в их взаимоотношения, появились недовольство, предлоги и ложь. Олег винил во всем Катю, ведь он по-прежнему любил, следовательно в ней была главная причина. Как обухом по голове стала вскрывшаяся измена Кати. Все рухнуло в один миг. Как ни пытался, измены простить он не мог. Они расстались. После чего Олег и погрузился в уже настоящую пучину отчужденности и пустоты.

Чуть позже, проводя вечера в любимом баре и анализируя причины, Олег стал признаваться себе, что и его доля вины в расставании была. В долгих раздумиях и переживаниях, склонившись над очередной кружкой пива, молодой человек более здраво стал подходить к случившемуся, все меньше осуждая Катю. Ведь, как ни крути, любовь все-таки была, по крайней мере полтора года. Но когда и куда она пропала? Катя не была меркантильной, не материальное благополучие удерживало её рядом с Олегом. А стихи, "наивной влюбленной школьницы", не от нечего же делать их писала, посвящая ему, взрослая давно уже не десяти-

классница девушка. Значит все было серьезно. Глупо винить одну Катерину. Он и сам хорош – злоупотребление спиртным, бесцельная скучная жизнь, возможно, недостаточность внимания. Пару раз он сам ходил "налево", правда изменой он это не считал, так баловство, животный инстинкт. Ему все более становилось ясно, что и он внес свою лепту в драматичный итог. Теперь по истечении времени, когда первые бурно-нервные эмоции спали, он это начал понимать. Не сказать, что раскаялся, да и боль до конца не прошла, но на произошедшее он смотрел уже по-другому, не столь однозначно, как по первости. Но все-равно предательство и измену Кати он до сих пор простить не мог. Прошло три месяца, как они расстались, но рана по-прежнему не заживала. Олег жил с двойственным чувством по отношению к Кате, все так же по-прежнему любя и одновременно ненавидя. Чтобы не бередить рану, он старался меньше думать и вспоминать о девушке. В какой-то мере это ему удавалось. И вот в данный момент, подходя к бару, сообразив, что заведение находится неподалеку от дома подопечных, и следовательно в некой патогенной зоне, он вдруг понял, что ему следует перестать посещать данный бар, и не только из-за зоны, хватит нагонять на себя бессмысленную ностальгию.

Решение созрело неожиданно, как-то вдруг разом поселившись в мыслях, созрел оно раньше, Олег не пошел бы в бар. Отступить было поздно, раз пришел, следует поправить здоровье.

Время для барных посиделок еще было раннее. Заведение было пустым. Лишь за стойкой сидел одинокий человек с понурым лицом, уставившись в одну точку где-то позади бармена. Олег сел рядом и заказал кружку пива. Опрокинув ее залпом, заказал еще, закурил. Попыхивая дымом сигареты, обратил свой взор на незнакомца. Тот был явно не в духе, лицо его было бледным, застывшим словно гипсовый бюст знаменитого мертвеца. Внешностью незнакомец обладал неброской, темно русые волосы, обычные, ничем не выдающийся черты лица, разве что нос был с довольно заметной горбинкой. Одет он также был вполне обычно: спортивная шапочка, черная зимняя куртка "алюска" и джинсы. Возраст его приближался к сорока.

Олег отпил глоток пива, пыхнул сигаретой и подумал, что он не одинок в своей печали и пустоте. Неизвестно зачем, спросил:

– Хреновенько?

Незнакомец, не отрывая взгляда от избранной точки, нехотя ответил:

– Это вам, молодой человек, хреновенько. Поправляйте свое здоровье и не лезьте, куда вас не просят.

Олег хмыкнул, он имел ввиду совсем не то хреновенько, не искал себе собутыльника. Незнакомец оказался не очень дружелюбным. Олег отпил еще глоток и обратил взор в сторону упорного взгляда горбоносого. Ему стало любопытно, что же так заинтересовало незнакомца на стене позади бармена.

Это была репродукция картины, на которой были изображены то ли Адам и Ева в райском саду, то ли пара неизвестных голых молодых людей, прикрывшихся фиговыми листочками, на загородном пикнике (такие своеобразные впечатления видимо вызывались тем, что картина была написана в стиле так называемого современного искусства). Олегу стало смешно, с издевкой он подумал о причинах, побудивших незнакомца с таким непоколебимым упорством смотреть на картину, соорудив при этом скорбное статуиное лицо. Несомненно горбоносого гложит зависть по отношению к персонажам картины, а как по-другому еще объяснить его ненормальное любопытство и скорбность. В отместку за недружелюбность, Олег вынес окончательный диагноз незнакомцу – импотент вы, батенька, видимо. Впрочем, возможно просто закомплексованный лох, в созерцании желаемого, но недоступного.

Олег несколько зло, с издевкой прошептал:

– Картина называется "В предкушении сладкого греха", – и еще тише добавил: – Мысленного.

Олег не играл на публику и не хотел, чтобы его кто-нибудь услышал, тем более горбоносый. Но слух у того оказался чутким, особенно если учесть его тупое отчуждение.

– Не юродствуйте, молодой человек. Вы же не глупый тинейджер. Тут все серьезно. Здесь людская трагедия, а не похоть. И не в потерянном Рае, а в познании любви.

Олег усмехнулся, на сей раз без издевки, а как реакция на философские заумности горбоносого.

– Любовь – есть грех? – уточнил он.

– Любовь – есть людская трагедия, – поправил его горбоносый. – Человек и без того неадекватен в своих мыслях и поступках. Не созрел он еще и для любви.

– У ты как, и почему это он не созрел? – Олегу становилось все веселее. Ну чудик ему попался, рассмешил.

– Вы никогда не замечали странностей, водящихся за влюбленными? Как они умудряются выглядеть жалкими, несчастными и одновременно возвышенными и счастливыми. Тот еще казус. А сколько зла и страданий они приносят друг другу и при этом готовы все отдать ради любимого. Тут прослеживается явная патология. Любовь в людской среде приобрела не то значение, она, извините, представляет собою сумасшествие, причем по собственной воле. Любовь полна безрассудства. И это притом, как я уже говорил, человек и без того неадекватен и безрассуден. Нелепые, откровенно нелогично-дикие, не поддающиеся осмыслению поступки делают из него полного дурака. Складывается ощущение, что человек по своей природе садо-мазахист. Ужалить по-больнее другого и чтоб тебя побольнее ужалили – не это ли есть кайф. А особенно кайфово, когда сам себя жалишь. Вот это и есть любовь в человеческом понимании. Впрочем, я не такой уж и бесчувственный. Мне очень жаль людей, особенно влюбленных. Их стоит пожалеть хотя бы за то, что люди в своем первобытном состоянии еще и отваживаются любить, тем причиняя себе еще большие муки и страдания. Они нуждаются в поддержке и помощи. Но, увы, не все в моих силах. Запретить людям любить я не в состоянии. Поэтому, остается только, во многом потворствуя, по-возможности оберегать их от опасности. В чем я, впрочем, тоже несколько ограничен. Но пока ничего, справляюсь.

" Вот, блин, он еще и сумасшедший, – подумал Олег. – Сумасшедший философ с замашками на роль спасителя. Кто из нас юродствует и кощунствует?"

Но сказал Олег совершенно другое:

– Вы никогда не любили? Не поверю.

– Ваши проблемы. Но любовь в людском понимании мне чужда, я не столь первобытен.

– А в каком понимании она еще есть? – разговор стал раздражать Олега.

– В высшем, в высшем... Хотя лично для вас это столь же чуждо, даже смешно, вы, увы, первобытны и далеки от настоящей любви.

– У..у..у, как далеко все зашло, – Олег стал терять терпение, уж больно горбоносый много на себя брал. – А вы значит эту любовь poznали?

– Она не познаваема. Она либо есть, либо ее нет. У меня она есть, по-этому мне и жаль людей, по-этому я как могу и облегчаю их страдания. Но безрассудство человека часто путает все карты. Мне не подвластен внутренний мир человека, а именно из него исходит все безрассудство. Я не Бог, могу влиять только на внешнее.

– Уже хорошо. А то я подумал...

Молодой человек, – перебил горбоносый, – оставьте свои мысли при себе. Мне все равно, что вы обо мне подумали. Я есть тот, кто я есть. А вам советую разобраться в себе самом, пока еще не поздно. Запомните, все людские несчастья в самих людях, в том числе и ваши... А что касается любви, кто его знает, возможно, для первобытных существ и такая примитивная любовь является высшей, и ее, как бы там ни было, следует уважать. Уважать за самоотверженность. Я люблю людей, сострадаю им, а посему и то, что от них исходит, тоже требует уважения к себе. И коль у них нет другой любви, то надо поддерживать и спасать ту, что есть, несмотря на

всю ее вредность. Иначе человек потеряет последние остатки осмысленности и окончательно превратится в животное, наделенное цинично-извращенным разумом, а то и в агрессивного монстра. Особенно если эта любовь долготерпима и бескорыстна, пусть и примитивна.

Олег растерялся, несмотря на свое прежнее настроение по отношению к незнакомцу, он неожиданно почувствовал, что в словах горбоносого что-то есть. Не совсем понятное, возможно, не совсем логичное, но оно есть. В чем-то, не до конца понятно в чем, незнакомец несомненно прав. Только вот подход к теме не очень удачен. Незнакомец зря избрал тактику разговора свысока. Он такой же человек...

Олегу не вовремя захотелось в туалет, только-только он начал потходить к беседе серьезно. Он тяжело вздохнул и торопливо направился в сторону отхожего места.

Когда Олег вернулся из туалета, незнакомца за барной стойкой уже не было.

– Станный какой-то, – обращаясь к Олегу, сказал бармен, – сидел целый час, но так ничего и не заказал.

– А может и не такой же, – сам себе сказал Олег и попросил еще одну кружку пива.

Нервно меряя шагами стандартную восемнадцати квадратов комнату, Евгений то и дело выглядывал в окно. Напряжение, вызванное неудавшимся ограблением стало спадать. Не было опасения, что их могут выследить, арестовать. Но ему не давало покоя другое – деньги, уже бывшие в руках и уплывшие прямо на глазах. Евгений стал даже прикидывать в уме, сколько там их могло быть. По-всему выходило, что много. Как же он не смог удержать контроль над ситуацией?! А виноваты эта чертова тетка и охранник. Он мысленно готов был разорвать их собственными руками.

Мария наблюдала за нервными метаниями друга, сидя на диване. Ей не нравилось его состояние. Одно время она думала, что это последствия пережитого стресса. Но потом поняла, дело в другом, и она, боясь себе в этом признаться, догадывалась в чем. Деньги. Конечно, они рисовали и потерпеть поражение на последнем этапе тяжело. Но в конце концов, могло быть и хуже, благо что они успели сбежать.

– Ты обещал мне, что больше ограблений не будет, – тяжело вздохнув, проговорила она.

– Но оно же сорвалось. То, ради чего мы его затевали, не получили. Не развлекаться же ходили, – Стаев стал отстаивать свою точку зрения.

– Ну ты же обещал, – еле слышно прошептала Мария. – У нас есть деньги.

Евгений остановился возле девушки, ему стало жалко ее. Ведь действительно хватит, что они делают?! Маша права.

– Ладно, – согласился с ней молодой человек, – на этом закончим.

Мария не ожидала, что Евгений так легко согласится, не веря своим ушам, приподняла голову и пристально посмотрела на него – нет, кажется он не врёт, вид у него был довольно искренним.

– Это правда? – все же решила удостовериться девушка. – Ты больше не будешь вспоминать о потерянных деньгах. Новых ограблений не будет.

– Да, – отвечая, Стаев был уверен, что так и будет. Но мысль об уплывших из подноса деньгах, по-прежнему не давала покоя. Постепенно эта идея фикс зрела, все больше увеличиваясь в размерах.

Тяжелый прошедший день, тяжелая ночь, тяжелое утро, тяжелая голова. Олег стоял возле входа в контору и курил. Как намечалось, вчера он напился, теперь его мутило, голова раскалывалась. А впереди еще предстояло самое тяжелое – встреча с Тихим. С час назад тот прошел в свой кабинет, даже не взглянув на подчиненных. Предчувствие было нехорошим.

Олег докурил и зашел в помещение. В дверях он столкнулся с Фаридом.

– Наворотили косяков, – с изрядной долей ехидства сказал Фарид, – вас еще учить и учить надо.

Олегу и без того было тошно, несвоевременное появление капитана добивало окончательно.

– Ладно, не ссы, пока я жив. Учить вас сегодня как нужно работать буду, без косяков и аномалий.

Прилива счастья данная новость ни у кого не вызвала. Молодые люди знали, что значит учеба старшего опера. Вся работа превратится в сплошную нервотрепку и фарс, а главное – станет бесполезной тратой времени. Как уже упоминалось, Фарид лишь имел командирские замашки, но ничего не смыслил в наружном наблюдении.

Раздался звонок по внутреннему телефону. Дежурный поднял трубку. После короткого разговора, обратился уже к смене:

– Пожалуйста на расстрел, господи.

В кабинете начальства стояла гнетущая тишина. Семен Иванович сидел за своим столом и, как обычно перед "рассправой", бесцельно перекладывал бумаги, создавая вид делового человека, которому до грузчиков нет совершенно никакого дела. Вошедшие застыли по стойке смирно и приготовились к содержательной речи подполковника, узнавшего подробности от заказчика. Тихий долго не отрывался от бумаг, выдерживая зловещую паузу.

– Кричать на вас бесполезно, – наконец пробурчал себе под нос Тихий – глупость она не победима.

Он оторвал взгляд от бумажек и внимательным взглядом обвел всех членов смены.

– Мне заказчику в глаза смотреть стыдно, – сказал он. – Вы подорвали авторитет нашей организации. Впрочем, пустое, полагаю вы не патриоты своей профессии и вам по барабану, кто, что и как о нас думает. А думают о нас, после вашей безобразной работы, мягко сказать хреновенько, и отказываются от нашей помощи. Все.

По кабинету разнесся вздох облегчения, наконец-то все закончится. Ждали разноса, а вышло вон оно как. Как говорится – не было бы счастья, да несчастье помогло.

– Да вы однако не расслабляйтесь, я еще не договорил, – осадил подчиненных Тихий. – Как я вчера уже сообщал, наши подопечные совершили попытку ограбления со стрельбой. Заказчик уверен, что это были именно они. Тут есть свои нюансы, машина их засветилась, еще кое что. Жертв слава Богу нет. Теперь о главном – заказчик собирается произвести задержание, сегодня. Соответственно и наша помощь уже как бы не нужна. Но заказчик полагает, что несмотря на неопытность, парочка хитрая и осторожная, а потому надежнее будет, если мы сработаем вместе, на подстраховке. То есть, мы встретим объект и, не упуская из виду, передадим заказчику. Вы уже работали по такой схеме. Вот опять только не надо так, как вы работали с наркоторговцами – лица бить, колеса протыкать... А то мы дискредитируем себя окончательно. Связь с заказчиками будет держать Фарид. Вы встретите подозреваемых, особой усидчивости за ними не наблюдается, и вплоть до момента задержания будете держать их в поле зрения. Заказчик будет неподалеку, чтоб не засветиться раньше времени. Ну там уже дело Фариды, как скоординировать с ним действия.

– А просто домой к ним прийти нельзя? – поинтересовался не очень довольный предстоящей совместной операцией Стаськов.

– Значит нельзя, у заказчика свои шурумы в голове. Он заказчик, он разрабатывает операцию. Еще вопросы есть, – сказал Тихий и уже более энергично добавил: – Вот только не надо про рации, про сугробы, про пробки. Произойдет утеря, в контору лучше не возвращайтесь, уволью...

Как и предполагалось, глючить Фарид стал сразу. Кто бы удивлялся. Вместо того, чтобы работать по старой схеме, один на улице, остальные в машине, он решил внести свою лепту в

стройное ведение слежки. То есть начал "учить". Учеба его заключалась в одном, он выгнал всех топтунов из автомобиля на мороз, аргументировав это тем, что в машине они все расслабятся и утеря гарантирована. Логика, впрочем, в его аргументе была. От долгого тупого лицезрения одной точки грузиков часто бросало в дрему, утерь обычно по этой причине не было, но в силу данного задания, когда происходит черте что, подстраховаться было не лишне. Но по уже наработанной схеме и так один человек следил с улицы, за каким там еще нужны трое? Причем абсолютно было непонятно, где всем разместиться в небольшом дворе и кем прикинуться, дабы не привлекать внимания. По части идиотизма Фариду следовало поставить большой плюс.

Лешка Стаськов, выходя из машины, сказал:

– Есть минимум три вещи против данной схемы. Во-первых, если нам здесь придется торчать достаточно долго, то мы все околеем. Во-вторых, четыре человека бестолку слоняющиеся по двору не слишком ли, народ у нас подозрительный, могут и полицию вызвать, вот тебе и гарантированная расшифровка. В-третьих, рации могут опять отключиться. Кто заметит выход, кто не заметит, как сбор личного состава проводить будем, в такой неразберихе и утеря возможна, друг на друга понадеемся, вот и все...

– Во-первых, – как нерадивому ученику чуть с ленцой в голосе ответил Фарид, – сделайте так, чтобы выход заметили все. Во-вторых, вы профессионалы и кем, и где прикинуться, не мне вам подсказывать. В-третьих, ждать долго не придется, у меня предчувствие, скоро будет выход.

– Лады, прикинемся тополями.

Как ни странно, Фарид оказался прав, выход состоялся не более чем через полчаса после начала работы. Тут-то все и началось. Рации были опять в отключке. Впрочем, все по-порядку.

Стоит начать с того, что на свежий морозный воздух вышла одна Радькина, что уже осложняло задачу. Она проследовала к "форду". Фарид в это время что есть мочи пытался доораться по неработающей рации до грузчиков, он так и не смог поверить в факт ее отключки. Но топтуны не оплошали, все четверо наблюдали за действиями девушки. Через пару минут "форд" начал движение в сторону выезда со двора. Здесь уже начал "тормозить" Фарид, не дожидаясь непосредственно выезда, он приказал шоферу трогаться, при этом скликая в открытую дверь смену, что уже было расшифровкой. Благо Радькина была занята своими мыслями и ничего не заметила. Одновременно по телефону Фарид пытался связаться с заказчиками, ну понятное дело из этого ничего не вышло, сотовые тоже не работали. Топтуны толпой ввалились в машину, еле разместившись на заднем сиденье.

– Емае, – выругался Фарид, – что происходит?!

– Мы говорили, – сказал Стаськов.

– И как теперь мы заказчиков известим?..

– А они где?

– Да черт их знает... Договоились связаться.

– Понятно... – этим коротким ничего не значащим словом Стаськов выразил все, что он думает о старшем Опере.

– Ладно, – поедет за ней, по-ходу движения буду пытаться связаться, – подвел предварительный итог Фарид.

– Все это, конечно, хорошо, – перебил его Стаськов, – но я скажу две вещи. Насколько мне известно, уличные телефоны должны работать, не знаю почему, но это так. Во-вторых за Стаевым никто смотреть не остался.

– У..у..р.. – Фарид в негодовании аж зарычал, хотя это был его косяк. – Олег, давай вылазь, дуй во двор. Он без машины вряд ли куда пойдет. Если что, по уличному телефону связь с конторой держать будешь. Если они, конечно, работают.

Олегу было в принципе все равно. Слежка давно уже стала напоминать собой неудачный фарс и порядком ему надоела. Лучше уж спокойно посидеть во дворе, пусть и на морозе, надеясь, что Стаев никуда не выйдет, а Ракину все-таки задержат в самое ближайшее время. Олег примостился на той же скамейке, что давеча облюбовал Ваня. Бабушки к счастью отсутствовали.

Прошло около получаса, но ни Радькиной, ни филеров, ни заказчиков или информации о завершении операции не было. Зато к большому негодованию Олега в дверях подъезда показался Стаев.

– Вот, блин, не сидится же дома, хоть перед тюрьмой бы отдохнул, – сам себе вслух сказал Олег.

Он, наперед зная итог, попытался связаться со сменой. Естественно в ответ ничего. Хотел было добежать до ближайшего уличного телефонного аппарата, но Стаев не позволил ему это сделать. Он быстрым шагом направился в сторону автобусной остановки. Олег, тяжело вздыхая, поплелся вслед за ним.

"Стоп! Что происходит? Неужели он решился, передумал и обманул всех, в том числе и меня."

Горбоносый в который уже раз удивлялся нелогично-диким поступкам людей. Он проклинал себя за то, как легко поддался на обман. Ругательства были противны его сущности, но в данный момент он материл себя – за лопухость, и Стаева – за его вероломство. Он был в полной растерянности от непонимания людской природы. Единственное, что он знал точно, так могли поступать только примитивные первобытные создания.

"Ладно я, сам не доглядел, но как же он посмел обмануть Марию?! Ведь нельзя так поступать с дорогим тебе человеком."

– Поворачивай, – обратился горбоносый к водителю такси, – нам в другую сторону.

До последнего момента такси, в котором ехал горбоносый, следовало за "фордом" и "десяткой". Теперь горбоносый осознал, что на самом деле опасность грозит не Марии, а Евгению. Поэтому он решил изменить маршрут.

"Только бы успеть, – подумал горбоносый в момент разворота такси, как жаль, что его силы и возможности весьма ограничены здесь."

Олег шел почти впритык. Стаев его не замечал. Да, впрочем, если бы и заметил, то ему было бы все равно, главное не потерять из вида.

Автобус подъехал сразу же после появления обоих на остановке.

– Двадцать пятый номер, – вслух отметил Олег, – куда это он направился?..

В глубине души молодой человек надеялся, что Стаев будет вести себя спокойно и законопослушно, а ему самому в самое ближайшее время удастся связаться с конторой. Но надежда надеждой, а уверенности в этом почему-то у него было мало. Предчувствие нехорошего настойчиво буравило его мозги. Маршрут автобуса, насколько знал Олег, лежал на другой берег.

Неотвратимое стремление возникло неожиданно. Минут двадцать после ухода Марии (она поехала в салон красоты) Евгений лежал на диване, стараясь ни о чем не думать. Но всевозможные мысли устроили дикую пляску в его голове. Настроение ухудшалось прямо на глазах с каждой минутой.

Стаев поднялся с дивана и пару раз прошелся по комнате. Легче от этого не стало. Он попытался разобраться, что же не давало ему покоя. И вскоре уже твердо знал что – деньги, уплывшие из под носа деньги. Евгений бросился в коридор и стал быстро одеваться, всеми силами пытаясь заглушить данные накануне обещания. Маша простит, она не может не простить. К тому моменту, когда она вернется из салона красоты, все уже будет сделано. А побе-

дителя, как известно, не судят. Тем более это лишь доказательство любви, будет свадебный остров. В том же, что он победит, не возникало и доли сомнения. Он сильный и сделает это. Никто ему не сможет помешать доказать свою любовь.

На всякий случай Евгений оставил девушке записку.

Он задержался на выходе из квартиры и произнес, обращаясь к стене:

– Прости, дорогая, но так мне будет легче. Я хочу быть достойным тебя, и я буду им...

Мария весь прошлый вечер провела в тревоге, главным образом за своего друга. Тот заметно нервничал. Мария хорошо понимала, в чем дело – неудавшееся ограбление спутало все карты. А оно ведь по договоренности должно было стать последним. А теперь что? Она беспокоилась за Евгения, обещание обещанием, но как оно будет в действительности. Промаявшись полночи, она так и уснула в предчувствии нехорошего.

Утром, чтобы не видеть возбужденные глаза Евгения и чтобы самой успокоится, девушка решила съездить в салон красоты. Находясь на подъезде к "Незабудке" (так назывался салон), она все так же чувствовала неспадавшее напряжение – как там оставшийся один Евгений? Мария достала мобильник и набрала номер его телефона (в отличие от топтунов, у их подопечных телефоны странным образом работали). Но ответом было: "Телефон недоступен или находится вне зоны доступа". Евгений не хотел брать трубку.

Сердечко Марии сжималось от предчувствия надвигающейся беды, потом сильно кольнуло и в момент закружилась голова. Мария поняла, что вот-вот потеряет сознание. Она успела припарковаться на обочине. Открыла дверь и вздохнула свежий морозный воздух. Ей полегчало, девушка стала приходить в себя. Домой, надо спешить домой, что-то случилось или должно случится, в этом Мария была совершенно уверена.

Девушка развернула автомобиль и направилась в сторону дома. Она не обратила внимание, что ту же операцию проделала припарковавшаяся на некотором расстоянии "десятка".

Олег стоял на задней площадке, уставившись в окно. При приближении очередной остановки он неизменно косился в сторону Стаева. Но тот пока не проявлял активности.

Вскоре автобус проехал то место, где вчера "десятка" заехала в сугроб.

– Черт, – ругнулся Олег, предчувствия становились все хуже.

Он не знал точное место вчерашнего ограбления, разве что в разговорах промелькнуло название магазина "Техника для дома". Но Олег почему-то был уверен, что автобус, а с ним и Стаев направляется именно туда. Зашевелился Стаев. Олег напрягся, обратив все внимание на подопечного. Автобус стал замедлять ход. Стаев подошел к дверям. Через мгновение они открылись, Евгений, а вслед за ним и Олег вышли.

Не оглядываясь, уверенной походкой меж еще необлезших недавно выстроенных домов Стаев двинулся в сторону видневшегося вдали магазина. Олег взгляделся в плохо различимую вывеску.

– Вот идиот, опять туда же полез. Зачем?! – вслух высказал недоумение лейтенант.

Он немного проводил взглядом объект и бросился к ближайшему телефону-автомату.

– Алло, это Ильин, – не в меру возбужденно прокричал в трубку Олег. – Семен Иванович, Стаев опять в тот же магазин полез, сейчас подходит к нему. Смена и, видимо, заказчики за Радькиной уехали. Я здесь один. И, кстати, без оружия. Что делать?

– Почему без оружия?! – по-командирски строго удивился Тихий.

– Так сами запретили выдавать после наркоторговцев, во избежание возможных неприятностей, – злорадно напомнил Олег. – Связь опять не работает. Я опасаясь за вменяемость Стаева. С чего это он опять в тот же магазин поперся?! А он ведь с оружием, как бы там всех со злости не перестрелял.

– Успокойся. Иди за ним, но в магазин не суйся, только если возникнет непосредственная угроза жизни людей. Тогда действуй по обстоятельствам. Я сейчас свяжусь с заказчиком, они подъедут, пусть сами и задерживают. Твоя задача его не упустить. На тебе лежит большая ответственность, не дай бог что...

Олег пребывал в некой прострации. Из трубки слышались прорезывающие мозг нудные гудки. Он встряхнулся, попытался придать себе решимости. Легко сказать, Стаев с оружием, а он без, и кто его знает, что у грабителя на уме. За два года работы Олег сталкивался с такой ситуацией впервые, наработанных ходов не было. Но отступать приказа нет, стоило быстрее соображать, что делать, какие ходы предпринять. Он повесил трубку и побежал вслед за Стаевым. Тот уже был в магазине.

– Чёрт, совсем очумел от подарков судьбы, – падая на снег после резкого торможения, недовольно пробурчал лейтенант.

Уже в следующее мгновение он поднялся и прильнул лицом к окну магазина. Стаев, натянув на голову маску, тыкал пистолетом в позеленевшую от испуга продавщицу, что-то при этом зло выговаривая ей.

Не успеваю, не успеваю, – сердился на себя горбоносый, – можно побыстрее, я не успеваю.

– Куда уж быстрее, – недовольно покрутил головой усатый таксист, – на тот свет торопись. Это, конечно, твое дело, но мне еще здесь не надоело.

– Что вы все смерти боитесь, – плохо справляясь с эмоциями, воскликнул горбоносый. – Вы даже не знаете, что там вас ждет. Может потом только радоваться будете.

– Слышь, ты, может я и буду радоваться на том свете, – резко ответил шофер, – но пока я еще здесь и крылья у машины не растут. Да и самолетам по нашим дорогам гаишники летать не разрешают.

– Не успеваем, – снова прошептал пассажир. – За тем поворотом тормози. Приехали.

Олег нервно наплясывал возле дверей магазина, часто заглядывая через окно внутрь. Худшее пока не произошло. Возвращения Стаева так быстро не ждали, продавцы пребывали в шоке и без разговоров складывали имеющуюся наличность в пакет. Охранник отсутствовал, видимо, взяв отгул после пережитого накануне стресса. Судя по всему, налички было мало.

– И это все, суки?! – даже сквозь толстые стекла окон были слышны остервенелые вопли грабителя.

Олег вновь прильнул к окну, отреагировав на вопль. Стаев размахивал пистолетом как сумашедший, сдернув маску, оскалив зубы, метался от одного продавца к другому.

– Нет денег, да?! Нет?! Ну тогда вы у меня сейчас получите. Перестреляю.

Вывод был однозначен, грабитель не в себе. Пора – решило подсознание за Олега. И прежде чем он успел о чем-либо подумать, оказался внутри.

Грабитель, находясь в возбужденном состоянии, не заметил появление нового лица. Олег воспользовался этим и сзади бросился на преступника. Он превосходил Стаева в росте, но уступал в силе. Ему удалось повалить грабителя на пол. Рука, державшая пистолет, ударилась о бетон, ослабла, оружие из нее вывалилось и отлетело под прилавок. Борьба продолжалась. Олег понял, что не сможет справиться со Стаевым. Преступник высвободился из захвата и ударил лейтенанта головой об пол. Вскочил на ноги, осмотрелся в поисках пистолета, не найдя его, схватил пакет с деньгами и кинулся к двери. Олег приподнял голову и увидел, как мелькнула в дверном проеме подошва ботинка Стаева. Он попытался встать, но не смог. В этот момент с улицы послышались крики и тяжелые удары.

– Лежать, скотина, полиция, – донеслось до мутного сознания Олега.

В дверях показался огромный детина в бронежилете с автоматом в руках.

– Не успел, – прошептал горбоносый в отчаянии, усаживаясь на ствол спиленного дерева, торчащего из под сугроба. – Ну и кто я после этого? Да и зачем вообще вмешиваюсь в их жизнь? Не понимаю, я совсем их не понимаю...

Прямо на его глазах два полицейских подняли с земли Стаева и запихнули в УАЗик.

Мария подошла к двери квартиры, предчувствие плохого усилилось. Она вставила ключ в замочную скважину. Сердце снова, как в машине, сильно кольнуло. Девушка схватилась за него и медленно сползла по стене. В себя она пришла через пару минут, с трудом открыла дверь и вошла внутрь. Евгения дома не было, на глаза попала записка.

" Не волнуйся, скоро буду. Ушел за мечтой. Прости."

Мария была уверена – плохое случилось. И она догадывалась что.

В углу камеры на нарах, уткнувшись лицом в колени, Стаев вспоминал и анализировал последние дни, настойчиво ища ошибку. До него плохо доходило, что ошибка заключается не в неправильном действии в том или ином случае, а во всей его жизни за последний год. Кто виноват, что он оказался в тупике? Тот Саша, которому он позавидовал? А может быть он сам? Может, он действительно неудачник, и стоило с этим смириться, ничего никому не доказывая. Впрочем, рассуждать об этом уже поздно.

Его еще не вызывали на допрос. Что там с Машей? Возможно, она прочитала записку, не дождалась его, поняла причину столь долгого отсутствия и сделала правильные выводы. Еще далеко не факт, что милиция связывает его с ней. В магазине он был один. Стоит надеяться, что о существовании Маши они вообще не подозревают. Евгений пытался себя успокоить и отогнать неприятные мысли. Тяжелый груз вины давил на его сердце. Зачем он втянул в это дело Марию? Ведь он ее собирался осчастливить, и что получилось, в чем счастье? Это хорошо, если они так и не доберутся до Маши. Теперь вот сиди и думай, что будет дальше...

Стаев приподнял голову и посмотрел на своих сокамерников, что-то живо обсуждавших, при этом заметно нервничая и активно помогая себе жестами. Евгений даже удивился, как он раньше не замечал столь бурного обсуждения. Он прислушался к беседе сокамерников, тем пытаясь отвлечься от грустных мыслей.

– Представляешь, она чуть ли не на коленях клялась ему в любви, а как он за порог, к ней в постель мужик, – говорил усатый седой мужчина. – Он, идиот, верил ей. Ему намекали, что мол пора бы уже присмотреться к подруге жизни повнимательней, но он даже не хотел ничего слышать.

– Любил значит сильно, – сказал молодой, но уже с залысинами парень.

– Выходит любил, но как-то уж больно тупо. Под него бабы сами стелились, а он ноль внимания. Лепетал что-то типа – если не хочешь, чтобы тебе изменяли, то сам не изменяй, как ты к людям, так и они к тебе.

– Ну, у каждого свои причуды в голове. Хотя доля правды в его словах есть, но только это не по мне, – молодой явно не отставал от современного течения жизни.

– Полагаю, что и не по нему, только он об этом не знал. Но самое поразительное, – сказал усатый, – она его тоже любила.

– Как это? Что-то я не совсем понял. Она же с другими мужиками гуляла...

– А вот так. Баба она и есть баба, ее хрен поймешь. Не забывай, у бабы кроме души еще кое-что есть, и это кое-что чешется. Когда не чешется – любовь, зачесалось – по мужикам. Натрахается и в думку, совесть мучает, как бы чего любимый не узнал. Такая вот любовь.

– Одного мужика мало было, так получается. Душа не жадная, одного хватает, а телу мало.

– Во-во, и при этом не считала свое поведение предательством, – продолжал усатый, – предательство для нее, изменить душой. Ты молодой, может тебе и понятней будет. Я старой

формации, для меня это диковато. Трахаться с кем-то и представлять, что рядом с ней любимый, думать о нем. Ну и трахалась бы с любимым. Ан..нет, чего-то еще хотелось, приключений на задницу.

– Да ничего она не представляла и не думала. Хотела трахаться и все, не удовлетворял, – с усмешкой сказал молодой.

– Да вроде не импотент. Тут что-то другое. Говорю, странные они эти женщины, хрен их поймешь...

Стаев улыбнулся. Подобная проблема их с Марией никогда не коснется. За все пять лет он ни разу не усомнился в ней, да и повода не было. Годичной давности инцидент на набережной он не считал таковым, тогда в нем скорее выиграла зависть, а не ревность. Лучше бы уж ревность, может быть и не случилось того, что случилось. Впрочем, и завистью в полной мере его реакцию на то событие назвать нельзя. Тут видимо все вкупе, всего по немногу и зависть, и ревность, и еще кое-что, в чем он и сам себе не сознается. Боязнь показаться несостоятельным в ее глазах, вследствие чего ее потерять. Вон как Саша выгодно отличался от него. Он настоящий мэн, а ты – неудачник. Кстати, данный момент это только подтверждает. Может, Маша живет с ним только из жалости...

Стаев встряхнулся, отогнал неприятные мысли, вновь углубившись в беседу соседей.

– Гуляли они у друзей. Он не поладил с кем-то и ушел. Жена там осталась. Он проветрился и решил вернуться за ней. Поднимается по лестнице, а его дружан прямо на площадке окучивает его подругу жизни аж шум стоит. Ну тут, конечно, извинения, раскаяние, клятвы – прости мол, пьяные были, больше не повторится. Друг на жену, жена на друга. А он молча развернулся, пошел и повесился.

– Вот твари, – вскипел молодой. – Да и он дурак, из-за какой-то шалавы вешаться.

– Каждому свое, – заключил усатый, – удар видно сильный был. Он ведь считал ее белой и пушистой, безгрешной. Сам не предавал, так на полном серьезе думал, что и другие такие же будут. Забыл вовремя снять розовые очки. Вот и результат.

Стаев отнесся ко всей этой истории по-своему. Он не мог понять, зачем жить вместе, если в голове другие мужики и бабы. Врать, лицемерить. Какая тут нахрен любовь, так понты. В их отношениях с Марией секс хоть и был важен, но никогда не превалировал над другими, более высокими чувствами. И никогда ради сеюминутного удовольствия он не смог бы предать Машу. Чем же тогда человек отличается от животного, если инстинкт и удовольствие преобладает над разумом?

Неожиданно в голову Стаева пришла мысль о том, что он по сути дела поступил так же, он предал Машу, изменил ей. Изменил со своей прихотью, со своей завистью, со своими эмоциями. Не в первую ли очередь ему самому нужен был этот остров. Не самому ли себе хотел доказать, что не слабак. Он не послушался голоса сердца и любви, над ним взял верх эгоизм, животное самоутверждение. Ему только казалось, что он делает все ради Марии, на самом же деле делал исключительно ради себя, ради удовлетворения своего самолюбия. Это сродни той ситуации, когда спишь с любовником, а думаешь о любимом. Вот ведь как бывает, совершенно разные вещи на первый взгляд переплетаются между собой.

Дверь камеры скрипнула, прервав размышления Евгения.

– Стаев, на выход...

Следователь был маленького роста, щуплый, на фоне большого стола смотрелся невзрачно и даже как-то убого. Одет он был как-то странно. Старый потертый в локтях пиджак, ярко красная до рези в глазах с расплывшимися пятнами жира на воротнике рубашка и спортивные штаны, все это довольно нелепо смотрелось в таком сочетании. Судя по всему, следователя вырвали прямо с дачи или из гаража и он не успел переодеться. Улыбнувшись только что вошедшему Стаеву, он указал на стул.

– Нус, молодой человек попортили же вы нам нервы. Вовремя вас остановили, не успели никого убить. И то слава Богу. А жертвы бы были, поверьте мне, со временем точно бы были. Вы к этому вплотную подошли, – следователь говорил спокойным, уверенным голосом. – Да, кстати, нам предстоит долгое общение, так что стоит познакомиться. Меня зовут Алексей Дмитриевич.

Стаев промолчал, лишь устало в знак согласия кивнул головой.

– Вот и отлично, как вас зовут я знаю. Скажу сразу, улик против вас масса. Во-первых, пистолет. То что из него стреляли накануне вашего повторного появления в магазине – факт вполне доказанный. То есть, вы пытались ограбить один и тот же магазин дважды, только первый раз со своей подругой. Кроме того, ваш "форд" засветился еще раньше. Есть свидетели. Да, мы знаем, и о фирме, и о магазинах. Всего четыре эпизода, не считая последнего. Вы давно уже в разработке. На что надеялись? Думали, прокатит все так, нахалаяву, выражаясь современным языком. Чего не хватало? Есть молодость, любовь, а деньги всегда заработать можно. А теперь что... Ладно, вижу, что вы еще не до конца осознали случившееся, читать нравоучения бесполезно.

Стаев по-прежнему молчал, но не потому, что ему нечего было сказать, просто он ждал ответа на вопрос, что известно полиции, соответственно в чем его обвиняют, насколько все серьезно.

Следователь продолжил:

– В ограбленной вами фирме ранее работала ваша подруга, Мария Радкина. Кстати, почему она во второй раз не пошла с вами в магазин? Испугалась или она оказалась умнее вас. А может она ничего не знает, второе посещение сугубо ваша инициатива.

Теперь-то уж Стаев решил молчать так долго, насколько это было возможно. Про Машу они знают, но арестовать ее видимо не успели, а то бы этот Дмитрич не стал играть в догадки. Значит, чем он меньше скажет, тем лучше для девушки. Но то, что они все-таки знают о Маше, его сильно огорчило.

– Что же вы молчите, не хотите помочь следствию прояснить ситуацию и тем облегчить свою участь. Не хотите явки с повинной, я бы вам ее оформил. Если вы из-за девушки, то зря. Мы ее все равно поймаем, вопрос нескольких часов. Поймаем и докажем все ваши эпизоды. Нет, конечно вы можете мне сказать, что с вами была не Радкина, а случайная знакомая, имя которой вы забыли. Можете даже отрицать и ранние эпизоды. Что пистолет вы нашли и грабить не хотели, просто попугать. Не стесняйтесь, время у нас много, я с удовольствием выслушаю все ваши сказки. Только одно дело слушать, другое верить. Вредите вы не мне, а себе и своей подруге. Я слышал, у вас какая-то необычная любовь, и по всему видно, вы ни за что не вы дадите девушку. Понимаю. Хотите совет, между нами, поступите по-мужски, возьмите всю вину на себя. Мол, заставили девушку, шантажировали или просто угрожали. Подумайте над этим. Она отделается условным. Но это только в том случае, если вы сами подсуетитесь. Ну а если мы без вашей помощи докопаемся до истины и все докажем, тогда извини, пойдет как полноценная соучастница.

" У козел хитрый, знает на что давить, – зло подумал Олег, – признания добивается. Значит не все гладко у них с доказухой. Но знают они многое. Зря я впутал в это дело Машу. Никогда себе этого не прощу."

Алексей Дмитриевич внимательно посмотрел в глаза Евгению, после чего предложил закурить и продолжил:

– Вижу, вы для себя пока не решили, что говорить и как себя вести. Может, по причине нашей нерасторопности, то есть потому, что мы пока не поймали вашу подругу. Ладно, время подумать у вас будет... Я вот что еще хотел спросить – зачем вы опять пошли в этот магазин? На слабоумного вроде не похожи. Неужели думали, что после случившегося, хозяева будут хранить в кассе больше трех тысяч рублей? Они еще полгода очухиваться будут. С вашей же

стороны это был огромный риск. Местные стражи порядка теперь недели две возле магазина околачиваться будут. У нас же как – гром не грянет, мужик не перекрестится. Они теперь в каждом покупателе грабителя видеть будут. Ведь вас арестовали не наши опера, а патрульная машина. Наши немного опоздали. И патруль-то не вами интересовался, а тем типом, что минут десять перед магазином горцевал. Так что можно сказать, нам случайно повезло, а вам соответственно нет. Хотя доля закономерности все же есть, случайностей не бывает, тот человек тоже не просто так в окна заглядывал. Ладно, это к делу не относится. Так ответьте мне – зачем?

Стаев по-прежнему сохранял стойкое молчание. Но теперь уже по другой причине, он не знал, что сказать. Он только недавно в камере в полной мере задумался над этим вопросом – а ведь правда, зачем? Что им двигало – ощущение самонереализованности, боязнь неудачи, нежелание быть слабаком? На то, что там окажутся деньги, надежды действительно было мало. Сейчас он чувствовал себя виновным во всех их бедах, и от этого стойкое нежелание говорить только усиливалось.

– Думаю, у нас сегодня никакого разговора не получится, – вздохнув, сказал следователь. – Ладно, иди в камеру. Думай, как дальше жить. Привыкай, камера теперь твой дом родной, и я подозреваю надолго.

Только тут до Евгения окончательно дошло, что же он натворил. Все конец мечтам, конец надеждам, жизнь кончилась. Он не просто предатель, а убийца. Убийца своего и Машиного счастья, их необыкновенной большой любви.

Мария, понутив голову, сидела на качелях в парке, который вплотную прилегал к зданию РОВД. Место казалось мрачным. Темные кроны сосен поднимались ввысь, заслоняя собой холодное зимнее солнце. Мертвая тишина, скрип качелей и карканье потревоженных ворон – вносили еще больше холода в эту таинственную похожую на злую сказку обстановку.

На лице девушки застыли слезы, но она не замечала их. Мария крепко сжимала в руках разноцветный пакет, в нем лежали деньги – причина их бед и застывших не замечаемых слез.

Со стороны полиции раздался резкий звук захлопнувшейся двери УАЗика. Потревоженная им девушка чуть приподняла голову. Ее взгляд упал на руки. Будто обжегшись, Мария широко раскрыла глаза, ругнулась и с силой отбросила пакет в сторону. Вот оно их несчастье – эти чертовы деньги. Зачем теперь они ей нужны, когда Женя там, в подвалах этого крематория, где жигают молодость, любовь и мечты. Их любовь. По какому праву, да кто они такие, чтобы вмешиваться. Нашли убийц и насильников, разбойников с большой дороги. Умеют только алкашей ловить и чужие судьбы рушить. Что ей теперь делать? Куда идти, куда бежать, как спасти любимого?!..

Мария несколько не задумывалась над тем, что ее тоже ищут, и ей самой только чудом, чьм-то невероятным, сверхъестественным вмешательством удалось избежать той же участи, что постигла Евгения.

Девушка мысленно вернулась на несколько часов назад.

Мария просидела в бесполезном ожидании около получаса. Через каждую минуту она пыталась дозвониться до Евгения, но его телефон не отвечал. Девушка в который уже раз перечитала записку. Неужели он вновь пошел грабить магазин, только на сей раз без нее. В это не хотелось верить, но текст записки не оставлял никакого сомнения. Мария тяжело вздохнула. Он обманул ее. Горько, обидно, как он мог. Но еще не факт, что случилось плохое. Девушка попыталась себя взбодрить. Ей казалось, что вот если она сейчас выйдет на улицу, то из первого же автобуса ей навстречу появится Евгений.

Одолеваемая этой мыслью, девушка быстро стала одеваться. Только она закрыла за собой дверь, как услышала чьи-то шаги. Не громко стуча каблуками, по лестнице поднимался какой-то человек. Мария с надеждой прислушалась. Нет, это не его шаги, это – чужой. Чужой – пронеслось в голове, теперь ей все будут казаться чужими, таившими в себе опасность людьми.

Бежать, сломя голову, ни о чем не думая – прорезала мозг внезапно возникшая мысль. Но Евгений, как же он? Может ничего, несмотря на все ее нехорошие предчувствия, и не случилось. Нет, пока она ничего не узнает, ни куда не уйдет из этого дома.

На площадку поднялся незнакомый мужчина. Сердце Марии отчаянно забилося. Но нет, напрасно, незнакомец не вызывал чувства опасения. Наоборот, казалось от него веяло теплотой и любовью, хотя его лицо было строгим, напряженным. Но то видимость, изнутри же он светился ярким, таинственным, непонятым, притягивающим и обезоруживающим светом. Впрочем, может ей так только казалось.

Девушка поравнялась с мужчиной, мельком взглянула ему в глаза – они тоже излучали необычное сияние – и стала спускаться вниз по лестнице.

– Подождите, – задержал ее незнакомец, – вашего друга зовут Евгений?

Мария нервно отреагировала на заветное имя. Она дернулась всем телом и застыла словно мумия. Девушка была в растерянности, не знала, что ответить.

– Он в полиции, его задержали при повторном ограблении магазина, – сказал незнакомец. – Евгений просил передать, чтобы вы бежали из этой квартиры.

– Как, куда, что с ним? – воскликнула девушка.

– Просто бежать, снять другое жилье. Чувствует он себя относительно нормально, но сами понимаете, в каком положении он оказался. Он также просил передать, что вас не выдаст, но опасается, что и без того в полиции все знают.

Мысли в голове у девушки в миг перепутались. Она почувствовала слабость во всем теле, ноги стали подкашиваться. Мария схватилась за перила.

– Откуда вы узнали? – еле выдавила она из себя.

– Я какое-то время сидел с ним в одной камере, – пояснил незнакомец. – Бегите, это не шутка, за вами с минуту на минуту могут прийти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.